КАЗАХСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

А. Н. БЕРНШТАМ

ПАМЯТНИКИ СТАРИНЫ ТАЛАССКОЙ ДОЛИНЫ

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
ПРОФ. А. Ю. ЯКУБОВСКОГО

Академии Наук
СССР

КАЗАХСКОЕ ОБЪЕДИНЕННОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЛМА-АТА — 1941

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа А. Н. Бернштама «Памятники старины Таласской долины» (историко-археологический очерк) рассчитана на широкого читателя, интересующегося богатым прошлым Казахстана. Тема автором выбрана удачно, поскольку в Таласской долине лежат весьма ценные материальные памятники, дающие возможность вместе с письменными источниками лучше разобраться в истории прошлого Казахстана, чем это могло бы быть сделано только на основании последних. Автор не ограничивает себя одним описанием материальных памятников, а рассматривает их в контексте исторических событий, чем и превращает свой очерк в рассмотрение истории культурной жизни как самой Таласской долины, так и отчасти всего Семиречья. Как положительную черту очерка, можно отметить серьезное внимание, уделенное автором той согдийской культуре, которая была занесена сюда, в сильную гущу кочевой жизни, согдийской торговой колонизацией, сыгравшей большую роль в Семиречье в первые века н. э. Начиная с VI в., Семиречье, в том числе и Таласская долина, все больше становится территорией политической и культурной жизни ряда тюркских народностей, в силу чего и теме тюрков-кочевников и постепенному их объединению уделено центральное место.

Мне представляется правильным положение автора, что начало феодальных отношений в Семиречье, а тем самым и разложение рабовладельческого строя с его множеством мелких городов-княжеств приходится на VIII—X вв. и что сильный рост феодальных отношений падает на XI и последующие века. Роль Караханидов в этом процессе правильно подчеркнута. Самый процесс образования Караханидского государства сначала в Семиречье, а после в Мавераннахре, сопровождался захватом и грабежом городов, чем в значительной мере и объясняется их упадок, хотя главные города на караванной дороге, в том числе и Тараз, оставались попрежнему оживленными торговыми пунктами.

Написанный интересно, с большим фактическим материалом очерк «Памятники старины Таласской долины» А. Н. Бернштама представляет весьма полезную книгу, которую с интересом прочтет всякий, кто интересуется богатым культурным прошлым Казахстана.

Проф. А. Ю. Якубовский.

ВВЕДЕНИЕ

В течение трех лет Казахстанскими научно-исследовательскими учреждениями совместно с Институтом Истории Материальной Культуры им. Н. Я. Марра при Академии Наук СССР на территории Южного Казахстана по Таласской долине велись археологические работы. Целью этих работ было установление территории древнейшего в Казахстане города Тараза. Работы 1936 г., которые проводил Казахстанский Филиал Академии Наук совместно с Институтом Истории Материальной Культуры, были посвящены отысканию города Тараза и обследованию местности, лежащей, главным образом, к востоку от него. В 1938 г. экспедиция Казахстанского Филиала Академии Наук и Института Истории Материальной Культуры провела большие работы по раскопкам древнего города Тараза, а Управление заповедниками и охраны памятников старины при СНК Казахской ССР продолжило эти работы к западу от Тараза. В том же 1938 г. Комитетом Наук при СНК Киргизской ССР совместно с Институтом Истории Материальной Культуры было проведено обследование всей той части Таласской долины, где река протекает по территории Киргизской ССР. В 1939 г. в Таласской долине Казахстанский Филиал Академии Наук и Институт Истории Материальной Культуры проводили в части Казахстана доследование Беркаринского могильника около оз. Бийли-Куль. В верховьях Таласа ИИМК и Государственный Эрмитаж производили раскопку курганов времени рубежа н. э. Экспедиция ИИМК и Комитета Наук при СНК Киргизии закончила обследованием Чуйскую долину, с захватом частично долин рр. Малого и Большого Кемина. Работы 1938 г. и, главным образом, результаты раскопок Тараза и легли в основу настоящей брошюры. Все эти работы проходили под руководством автора настоящей брошюры, при непосредственном участии научных сотрудников Института Истории Материальной Культуры — тт. Тереножкина А. И. (1936 г.), Лаврова В. А. (1936 г.), Розиной Л. Г. (1938 и 1939 гг.), Кипарисовой Н. П. (1938 г.), М. В. Луппиан, И. В. Щербакова (1939 г.), М. Беленицкого (1938 г.) и научных работников КФАН (1936 — 1939 гг.), представителей местных

научных организаций — Джамбулского археологического пункта— Г. И. Пацевича, Джамбулского районного музея, студентов Казахского Педагогического Института, научных сотрудников и аспирантов Киргизского Педагогического Института и студентов Истфака Ленинградского Государственного Университета. Консультантом экспедиции 1938 г. по раскопкам Тараза был проф. А. Ю. Якубовский [1].

В результате проведенных работ удалось охватить район от оз. Бийли-Куль на западе, до ущелья Чон Кемин на востоке и от ур. Кенкол на юге до ур. Андрейтал на севере. В настоящей брошюре мы дадим очерк о памятниках старины, находящихся на территории долины р. Талас в части Казахстана и, главным образом, города Тараза, в связи с историческими данными, известными науке об этом городе и районе. Памятники Таласской долины в части Киргизии затрагиваются по мере необходимости для понимания истории и археологии Тараза и его округа. Автор счел целесообразным ввести в брошюру научный аппарат с тем, чтобы брошюра могла быть использована специалистами. Для того, чтобы расширить круг читателей, автором внесены в подстрочные примечания все пояснения к специальным терминам и выражениям, принятым в исторической и археологической науках.

Продолжение работ в Таласской долине, намечаемое научными учреждениями Ленинграда, Казахстана и Киргизии внесет дополнения и коррективы в суждения автора. Однако, в целях выяснения исторической роли и значения Таласской долины для широких масс трудящихся, проявляющих живой интерес к прошлому своей родины, в целях дальнейшего изучения этой интереснейшей местности, автор счел целесообразным, не откладывая, сейчас издать настоящий очерк, в котором ряд суждений изложены с большей категоричностью, чем это иногда позволял материал. В основу этой брошюры вошли памятники, обследованные вышеупомянутыми экспедициями с использованием литературных указаний о памятниках старины постольку, поскольку эти описания, если они не были проверены на месте, давали какое-либо представление о памятнике и его времени.

---

1 Краткие отчеты об этих экспедициях см. в наших заметках и предварительных отчетах: Археологические работы в Казахстане и Киргизии, Вестник Древней Истории, № 4 (9), 1939 г. Об экспедициях 1939 г. см. в «Кратких сообщениях о докладах и полевых исследованиях ИИМК», № 4, 1940 г. Полный отчет об экспедициях в настоящий момент подготовляется к печати.

ГЛАВА I

ОБЩИЕ ДАННЫЕ

Изучение памятников Таласской долины началось сравнительно давно. Первым трудом, давшим представление о Таласской долине в археологическом отношении и собравшим почти все исторические сведения о ней, является не утративший значения до сегодняшнего дня труд акад. В. В. Бартольда[2]. Акад. В. В. Бартольд в 1893 — 94 гг. обследовал Семиреченские памятники и в том числе часть памятников Таласской долины. Тогда же В. В. Бартольд, в своем предварительном отчете, указал на возможность соответствия современного ему города Аулие-Ата (ныне гор. Джамбул, Джамбулской области) с древним городом Таразом[3]. В. В. Бартольд, не будучи уверен в правильности своего вывода, предполагал, что городища Тюймакент у с. Шаповаловки и Садыр Курган в Александровском ущелье (Большая Капка) могут также претендовать на развалины древнего города Тараза[4]. Однако, больше всего сам В. В. Бартольд, повторяем, склонялся к тому, что Аулие-Ата соответствует древнему Таразу. Это предположение В. В. Бартольда вошло в научный обиход и за пределами России[5]. Во всяком случае ряд западно-европейских ученых, не без влияния В. В. Бартольда, как правило указывали, что

---

2 В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893 — 94 г., Записки АН по Ист. фил. отд., серия VIII, т. I, в. 4, СПБ. 1897.

3 В. Бартольд в своей заметке в «Отчете о командировке в Среднюю Азию», ЗВО, т. VIII, в. III — IV, СПБ. 1894, стр. 343, писал: «Приходится притти к заключению, что Талас находился как раз на месте нынешнего Аулие-Ата».

4 В полном отчете, вышедшем в 1897 году, В. Бартольд писал осторожней: «Находился ли он (город Талас) на месте Аулие-Ата или несколько южнее — трудно сказать; во всяком случае его следует поместить к северу от Капкинского ущелья». См. его отчет в ЗАН, стр. 16.

5 Ср. ук. соч., стр. 16. Впрочем до В. Бартольда эту точку зрения высказывал M. Quatremère. Notice de l'ouvrage qui a pour titre Mesalek Alabbar fi Memalek Alamsar. Notice et extraits des Manuscrits de la Bibliotheque du Roi, m. IV, Paris, 1838, стр. 244, прим. I.

древний Тараз соответствует городу Аулие-Ата[6]. Поездка В. В. Бартольда оказала непосредственное влияние на изучение памятников долины реки Талас. Уездный начальник В. Каллаур неоднократно печатает в протоколах Туркестанского кружка любителей археологии ряд заметок, посвященных описанию тех или иных памятников старины Таласской долины.

Помимо работ В. В. Бартольда и В. Каллаура, описания памятников рассматриваемого района единичны и вносят очень мало нового. Укажем на краткое описание постройки Акыртыш у Лерха, описание памятников г. Аулие-Ата, непосредственно входящих в городскую черту и ближайшие окрестности, у В. Лаврентьева[7]. Приложенный им план, составленный в 1898 г., фиксирует весьма интересную топографию развалин. Многие из обозначенных им тепе уже давно исчезли, и эта фиксация бесспорно имеет большой научный интерес. Серию весьма интересных заметок дал В. Каллаур, который, хотя и не мог дать вполне научного описания развалин, все же зарегистрировал большинство памятников старины по Таласу[8]. В. Каллаур пытался также дать некоторое объяснение развалинам и отождествить их с древними городами[9].

Дополнением к обследованиям В. Каллаура является поездка его и И. Аничкова к югу от города Аулие-Ата по р. Талас[10]. Сведения об археологических работах по Таласу и истории г. Аулие-Ата содержатся в двух отчетных статьях Н. Лыкошина[11] и некоторых других заметках[12].

После Великой Октябрьской революции Талас не перестает играть видную роль в работах советских историков и археологов,

---

6 Напр. Ed. Chavannes, Documents sur les Ton-kious (Turcs) Occiedentaux. СПБ. 1903, стр. 10. Впрочем Ed. Chavannes сам высказывал сомнения, заявляя: „L'identification du cette localité avec le Ta-lo-se des Chinois n'est peut être pas rigoureusément exacte", ук. соч. стр. 318.

7 Лерх, Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. Описание Акыр-Таша см. также у Д. И. Иванова, По поводу некоторых Туркестанских древностей, Известия РГО, т. XXI.

В. Лаврентьев, Перечень курганов в черте г. Аулие-Ата, Протоколы ТКЛА, от 27/III-1900 г.

8 В. Каллаур, Древности в низовьях р. Таласа, Протоколы ТКЛА, 1899; его же, Поездка на Акыр-Таш (Ахур-таш, Таш-акыр) и его окрестности, там же, 1905; его же, Находка древних монет в верховьях р. Таласа, там же, 1908.

9 В. Каллаур, Древние местности Аулие-Атинского уезда на старом караванном пути из Тараза (Таласа) в Восточный Туркестан, там же, 1897; его же, Древние местности Аулие-Атинского уезда на древнем караванном пути на запад от Аулие-Ата к границе Чимкентского уезда, там же, 1909 г.

10 И. Аничков, Археологическая поездка в селение Биш Агач Аулие-Атинского уезда, Протоколы ТКЛА, 1896.

11 Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии, Протоколы ТКЛА, 1896, его же, Очерк деятельности Турк. кружка любителей археол. за первое десятилетие его существования (1895 — 1905 гг.), там же, 1905.

12 В. Каллаур. К истории гор. Аулие-Ата, там же, 1903; Безыменное

причем больше внимания было обращено на верховья р. Талас[13], давшие, кстати сказать, случайные находки мировой ценности[14]. Развернулась и большая экспедиционная археологическая работа, на этот раз главным образом в низовьях р. Талас. На основе работ, проведенных в 1936, 1938 гг., а отчасти в 1939 г., и построена настоящая работа.

Насколько советское правительство проявляет большой интерес к изучению памятников старины и изучению прошлого, достаточно ярко характеризует тот факт, что помимо экспедиционных исследований в г. Джамбуле организован постоянный археологический пункт по охране и изучению памятников старины, созданный в результате работ экспедиции Управлением заповедниками и охраны памятников старины при СНК Казахской ССР, а на городище древнего Тараза научно-исследовательскими организациями Академии Наук Казахстана и Ленинграда предполагается продолжение стационарного типа работ. Ввиду этих мероприятий и стоит издание этой брошюры, подводящей первые итоги исследования, что несомненно должно послужить известным толчком к определению работ в будущем.

Таласская долина представляет собой весьма плодородную, густо орошенную местность, вытянутую в общем с юга на север, в меридиональном направлении. Верхняя часть долины сравнительно высокогорная идет вначале на запад и затем поворачивает на север. Она находится в пределах Киргизской ССР. По выходе из гор через ущелье Большая Капка, между горными кряжами Ичкеле-Тау и Ак-Таш, р. Талас вскоре переходит на территорию Джамбулской области, Казахской ССР, и идет на север[15]. Фактически здесь памятники старины и начинаются с г. Джамбула, ибо в 12 клм к югу от него уже идет территория Киргизской ССР. Культурный земледельческий оазис в этой части долины имеет весьма ярко выраженные границы и очертания. Река Талас теперь протекает к востоку от г. Джамбула. На ее восточном берегу имеется ряд городищ, тесно связанных с древним Таразом. На севере городища доходят до урочища Андрейтал, причем крайним северным пунктом было зафиксировано городище Оххум, клм в 70 к югу от г. Джамбула. Прослеживается граница оазиса и на западе. В южной части эта граница начинается с урочища Балыксаз и Чоль Дала, к востоку от Куюкского перевала, в северной части

издание тюркского текста, Родословная Карахана — патрона гор. Аулие-Ата, там же, 1899 г.

[13] Ср. напр. С. Малов. Древне-турецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас, Известия А. Н. 1929 г., у него см. литературу вопроса об археологии верхнего Таласа, а также у П. Иванова в его статье в сборн. С. Ф. Ольденбургу, К вопросу о древностях в верховьях Таласа.

[14] М. Е. Массон, К истории открытия древне-турецких рунических надписей в Средней Азии и С. Е. Малов, Таласские эпиграфические памятники, Материалы Узкомстариса в. 6 — 7, М.—Л. 1936.

[15] См. описание Таласской долины Федосеева и Зеньковича, «Обзор минеральных ресурсов Средней Азии и Южного Казахстана».

Таласской долины граница проходит, примерно, по землям колхоза им. Молотова. В более северной части Таласской долины, там, где р. Талас снова поворачивает к западу по направлению к оз. Ак-Куль, памятники старины археологам еще неизвестны, хотя отдельные сведения о них имеются и развалины отмечены на 10-верстной карте съемки Туркестанского Ген. Штаба 1907 г. Таким образом, с комплексом памятников древней округи Тараза оказываются связанными и памятники долины р. Асса, как известно, через оз. Бийли-Куль впадающей в оз. Ак-Куль. За указанными границами весьма любопытны изменения типов археологических памятников. Как правило в этих районах, т. е. например, к западу от р. Асса, начинаются памятники старины древних кочевников — курганы и стоянки.

Основными памятниками старины Таласской долины, связанными по времени их возникновения и жизни с древним городом Таразом, являются: 1) города, 2) сельские поселения, 3) замки, 4) крепости, 5) каравансараи, 6) оборонительные сооружения, 7) отдельные постройки, главным образом, мазары, 8) курганы, 9) стоянки.

Археологическое обследование перечисленных типов памятников и раскопки на отдельных объектах показали тесную культурную связь их с древним городом Таразом и это вполне естественно, ибо Тараз был центром, столицей большого и богатого в древности округа. Поэтому, прежде чем перейти к характеристике этих памятников, следует вначале познакомиться с древним Таразом и историей описываемого района, т. е. историей Таласской долины в целом.

ГЛАВА II

ДРЕВНЕЙШИЕ СЛЕДЫ ЧЕЛОВЕКА В ТАЛАССКОЙ ДОЛИНЕ

Собственно история Таласской долины будет написана в последующие годы, тогда, когда изучение ее археологических ценностей даст возможность вскрыть наиболее древние страницы ее истории, не запечатленные в письменных источниках. Письменные источники сообщают сравнительно поздние данные об ее истории, и несомненно, что жизнь в ней началась задолго до древнейших, а именно китайских, упоминаний о Таласской долине.

Таласская долина в наиболее ранних источниках о Средней Азии не фигурирует, точнее сказать нет имени «Талас». Мы имеем в виду сочинение китайского историка Сы-ма-цяня, которого часто называют «отцом истории» в Китае, подобно тому, как древне-греческого писателя Геродота называют «отцом истории» вообще. В историческом сочинении Сы-ма-цяня под названием Ши-Цзи — «Исторические мемуары», доведенном до 99 года до н. э.[16], включено описание путешествия и сведения о странах, в частности Средней Азии, китайского путешественника Чжан-цяня, который два раза в 138—126 г. и 115—104 г. до н. э. ездил по Средней Азии[17]. Чжан-цянь ездил по поручению весьма предприимчивого и энергичного китайского императора Ву-ди (140—87 до н. э.) с обследованием тех стран, через которые шел «великий шелковый путь» из Китая на Запад[18]. Сообщения Чжан-цяня легли в основу китайской географии об этих районах. Чжан-цянь проехал через земли усуней и кангюй и благодаря расспросам и наблюдениям среди этих племен составил их описание. Племена, которые он сам не посетил, например, племена алан или, как они тогда назывались по-китайски, яньцай или а-лань-я[19], жившие в верховь-

---

[16] О нем см. Wylie, Notes of the Chinese, Literature, London, 1867, а также предисловие к переводу Ши-Цзи у Ed. Chavannes.

[17] См. последний перевод у F. Hirth, The Story of Chang K'ien, Chinas Pioneer in Western Asia, YAOS, т. XXXVII, в. 2, сентябрь 1917.

[18] A. Herrmann, Die Seidenstrassen Zwischen China und Syrien, 1910, возражения у Г. Грум-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, 1926 г. Вообще этому вопросу была посвящена большая литература. Сводку см. у A. Herrmann'a, из более новых работ см. B. Laufer, Sino-Iranica, Chicago. 1919г.

[19] F. Hirth, Ueber Wolga-Hunnen und Hiung-Nu, SKAW zu Münden, 1899, т. II, в. II.

ях р.р. Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи и у берегов Аральского моря, он описал на основании донесений своих послов. Племена усунь и кангюй он посетил лично[20]. Первые он, повидимому, наблюдал у оз. Иссык-Куль — основное местопребывание усуней, в районе которого и находилась древняя ставка кочевников усуней под названием Чигу. Будучи сам в среднеазиатском владении Давань — современной Фергане (куда он проник, пройдя Тянь-Шаньские горы, вероятно через перевал Бедель и далее вдоль Александровского хребта на Фергану), Чжан-цянь указывает, что «от Давани на север лежит Кангюй, на западе Большой Юечжи, на юго-западе Дахя, на северо-востоке Усунь»...[21].

Из этого описания, особенно в сопоставлении с другими более поздними, явствует, что усунь и кангюй были соседями. Далее Чжан-цянь указывает, что кангюй на востоке признают власть туннов. Дело в том, что усуни входили часто в состав гуннского племенного кочевого союза и этим самым вместо усуней гунны становились восточными соседями кангюй. Где же происходил стык между усунями и кангюй? Чжан-цянь на это ответа не дает, но историко-археологические наблюдения позволяют утверждать, что соприкосновение этих племен было как раз в долине р. Талас или во всяком случае вблизи нее[22]. Дело в том, что раскопки курганов кочевников (а усунь и кангюй были кочевниками) в районе от оз. Иссык-Куль до оз. Бийли-Куль рубежа н. э. показали, что курганы, которые археологи приписывают усуням, к западу от Чуйской долины исчезают и заменяются новым типом погребений[23]. Эти нового типа погребения в районе, например, оз. Бийли-Куль, относятся, повидимому, к другим народностям. Но соседями усуней были кочевники кангюй. Значит эти нового типа курганы, того же периода, оставлены другими, не усуньскими племенами. Этими племенами и могут быть только кангюйцы. Впрочем ниже у нас будут еще этому доказательства.

Таким образом Чжан-цянь, если и не дает упоминания р. Талас, то он во всяком случае указывает наименование обитателей этого района. Сам Чжан-цянь жил долгое время у усуней (повидимому, с 119 г. до н. э.)[24], т. е. по соседству с кангюй, и для описания народов и стран отправлял (будучи сам в ставке усуней

---

20 Об усунях — Kurakischi Schiratori, Über den Wu-sun-Stamm in Centralasien, Revue orientale, т. III, в. 2-3, 1902, Ср. В. Бартольд, очерк истории Семиречья, Верный, 1898. О кангюй см. у К. Schiratori в Tokyo Bunko, 1929 г., а также J. Marquart und J. J. M. Groot, Das Reich Zabul und der Gott'Žun von 6—9 Jahrhundert, Fes'schrift Eduard Sachau zum siebziqsten Geburtstage, Berlin, 1915, стр. 253.

21 И. Бичурин, Цянь-Хань-Шу, гл. 96в, Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена, СПБ, 1851, т. III, стр. 4 — 5.

22 Ср. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, «т. к. усуни жили к северо-востоку, кангюйцы — к северо-западу от Ферганы, то граница между их владениями приблизительно совпадала с границей между Семиречьем и Сыр-Дарьинской областью», стр. 3 — 4.

23 М. Воеводский и М. Грязнов, Усуньские погребения на территории Киргизской ССР, ж. Вестник Древней Истории, № 3 (4), 1938 г.

у их предводителя, который титуловался гуньмо) помощников и посланников. Среди народов, куда были отправлены его послы, фигурируют и кангюй. Во время своего путешествия в Давань, он также, конечно, проезжал по землям кангюй.

Сообщения Чжан-цяня легли в основу описания стран Средней Азии в древнейшем китайском историческом описании, в Ши-Цзи. Соответствующая глава явилась исходной и для позднейших историков. И вот в 27 году н. э. китайский историк Баньгу составляет «Историю старшей династии Хань» (202 г. до н. э. — 8 г. н. э.) под названием Цянь-Хань Шу[25]. В этой истории впервые упоминается р. Талас, причем на ней разыгрывается крупнейшее событие, непосредственно связанное с историей нашей родины.

Дело в том, что господствовавший в Центральной Азии с 204 г. до н. э. гуннский племенной союз, в силу роста у него классового расслоения, раскололся в 55 году до н. э. на две части. Одна часть под предводительством Хуханье шаньюя (шаньюй название у гуннов князя) поддалась Китаю, другая под руководством Чжи-чжи шаньюя продолжала борьбу за независимость. В этой борьбе, под напором сильного противника, т. н. северные гунны Чжи-чжи шаньюя принуждены были откочевать на северо-запад. Фактически с этой поры начинается движение гуннов на запад, много позднее, в V веке н. э., закончившееся на территории Западной Европы во Франции, где гунны потерпели от западноевропейских племен поражение у Нового Орлеана, в местечке у Шалэнна в так называемой Каталаунской битве 451 года[26].

Чжи-чжи шаньюй, как сообщают китайские источники, получил поддержку со стороны предводителя племени кангюй, который отводит ему и его дружине место в своих владениях и выдает за него замуж свою дочь[27]. Описывая этот факт, китайский источник не указывает этой территории, не дает ей названия. Но в другой части сочинения Цянь-Хань Шу название этой местности сообщается. Дело в том, что активность Чжи-чжи шаньюя серьезно волнует правящий класс Китая. Они видят в Чжи-чжи организатора набегов северных гуннов и решают уничтожить Чжи-чжи шаньюя. С этой целью против него снаряжается специальная военная экспедиция, возглавляемая двумя китайскими полководцами: Гань-янь-шоу и Чэн-тан'ом. Последние в 36 году окружают Чжи-чжи и убивают его. В биографиях этих полководцев описывается поход и лагерь Чжи-чжи шаньюя. Здесь указывается, что его лагерь, состоящий из палаток (юрт?), был расположен в городке, вернее поселении, обнесенном валом, по-китайски «чэн», на реке Да-луй в нескольких ли (ли — свыше $^1/_2$ клм) от

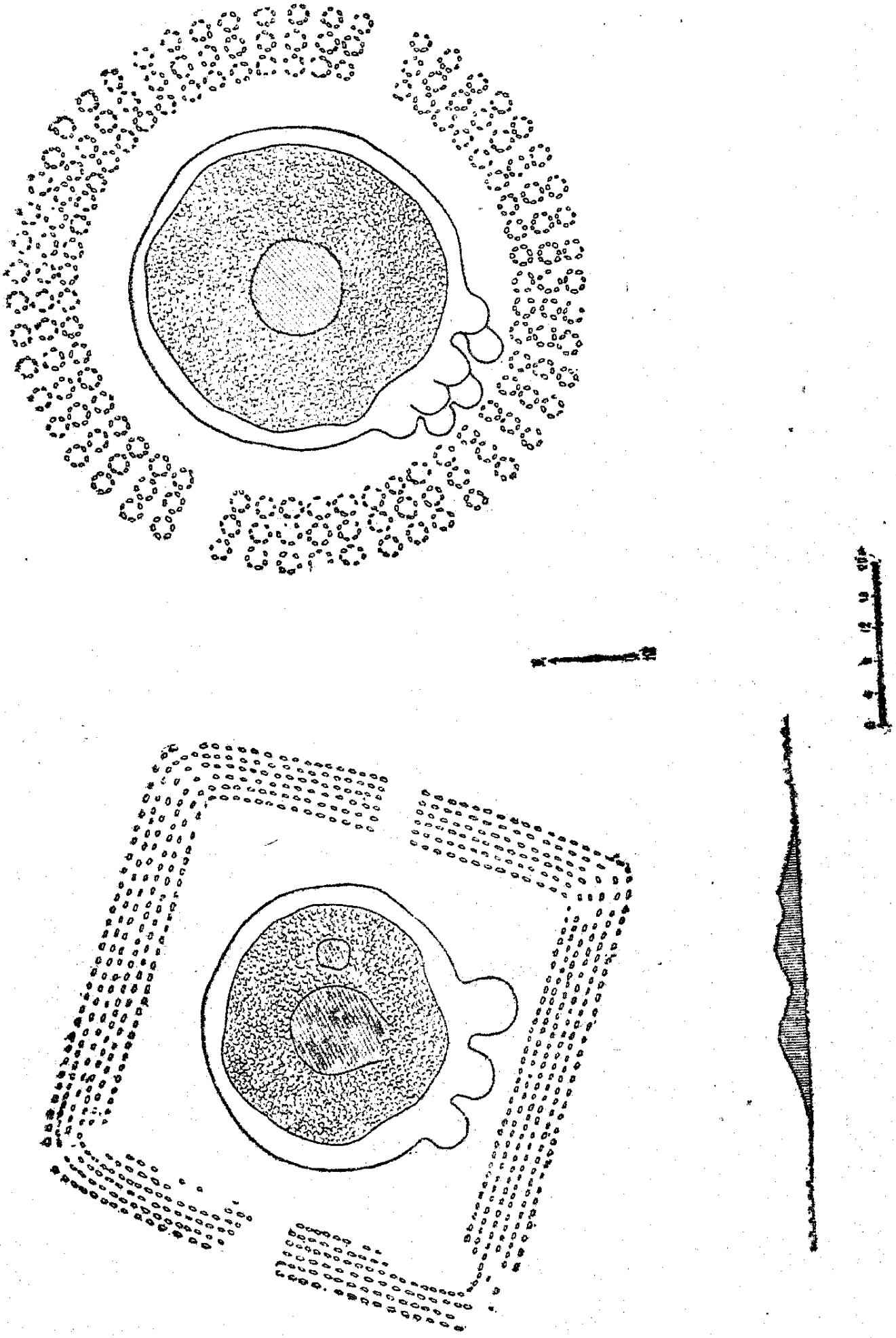
---

[24] Wylie, ук. соч.

[25] H. Cordier, Histoire Générale de la Chine et de ses relations avec les pays étrangers, т. I. Paris, 1920. стр. 233.

[26] А. Бернштам, Из истории гуннов в середине I в. до н. э., Хуханье и Чжи-чжи шаньюи. Советское Востоковедение, II.

[27] Цянь-Хань Шу, гл. 70, л. 5а и сл.; ср. И. Бичурин, ук. соч., стр. 80.

Беркаринский могильник. Планы и разрез среднего типа кургана.

снеговых гор[28]. «Река Да-луй» и есть древнейшая китайская транскрипция известного названия реки «Талас»[29]. Указание на то, что ставка Чжи-чжи была расположена в нескольких ли от снеговых гор, говорит о том, что верховья р. Талас впервые упоминаются где-то за с. Дмитриевское, возможно в современном Таласском или Буденновском районе Киргизской ССР[30].

Как мы выше указали, ставка Чжи-чжи шаньюя, где он жил и был убит, находилась на территории племенного союза кангюй, а отсюда следует, что р. Талас входила во владения кангюйцев, хотя здесь и были их окраинные восточные владения. Значит, выставленное нами вначале предположение о том, что в территории кангюйцев входила Таласская долина, подтверждается только что разобранными историческими фактами.

Таким образом во II в. до н. э. — и I—III в. н. э. на территории Таласской долины обитали кочевники, скорей всего кангюй.

Они занимались скотоводством и, как показывают археологические памятники, знали оседлость и в небольших размерах выращивали зерновые культуры. Существенным дополнением к скотоводству и земледелию являлась охота. Подобного типа суждения мы вправе выставить на основании исследования ранних отложений культурных остатков в холме у с. Луговое в 5-6 клм к югу от железнодорожной станции Турксиба того же названия. Там, в нижних слоях тепе, относящихся к первым векам н. э., были обнаружены кости домашних животных, как-то: лошади (Equus caballus), быка (Bos taurus), овцы (Ovis aries), козы (Capra hireus), осла (Equus asinus), домашней собаки (Canis familiaris), верблюда (Camellus), из диких животных, являвшихся предметом охоты, были встречены кости кулана (Equus Hemionus), сайги (Saiga tatarica) и благородного оленя (Cervus elaphus). Как следует из этого списка, состав стада был весьма разнообразен. Продукты скотоводства составляли главную массу питания древних обитателей селища. Кости животных использовались для всевозможных поделок, приборов для сучения ниток, рукоятей ножей и т. д. Шерсть животных шла на изготовление тканей, — найдены были кости животных с желобками, с помощью которых, возможно, обрабатывали нить, а также глиняные пряслица от веретен. Остатки тканей обнаружены на внутренней стороне сосудов из глины,

---

28: Это место единственный раз переведено у De Groot, Die Hunnen der vorchris lichen Zeit, Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens, Berlin—Leipsig, 1921 — 1926 г. см, т. I, стр. 229 и 234. Рец. на перевод De Groot'a написал E. Zach в Asia Mayor, т. I, в. I, янв. 1924. Текст см. в Цянь-Хань Шу, гл. 70, л. 95.

29 De Groot, ук. соч., стр. 229, возражения по этому вопросу см. у В. Бартольда.

30 Могильник, принадлежащий гуннам, был открыт нами в 1938 г. на р. Кенкол (см. ВДИ, 4(9), 1939 г.) и частично раскопан в 1938 и 1939 гг. Замечательные находки, произведенные нами в этом могильнике, см. в нашей работе — «Кенкольский могильник», Государственный Эрмитаж, 1940 г.

31 Определение костных остатков проделано В. Карачаровским — научным сотрудником Зоологического Института Акад. Наук в Ленинграде.

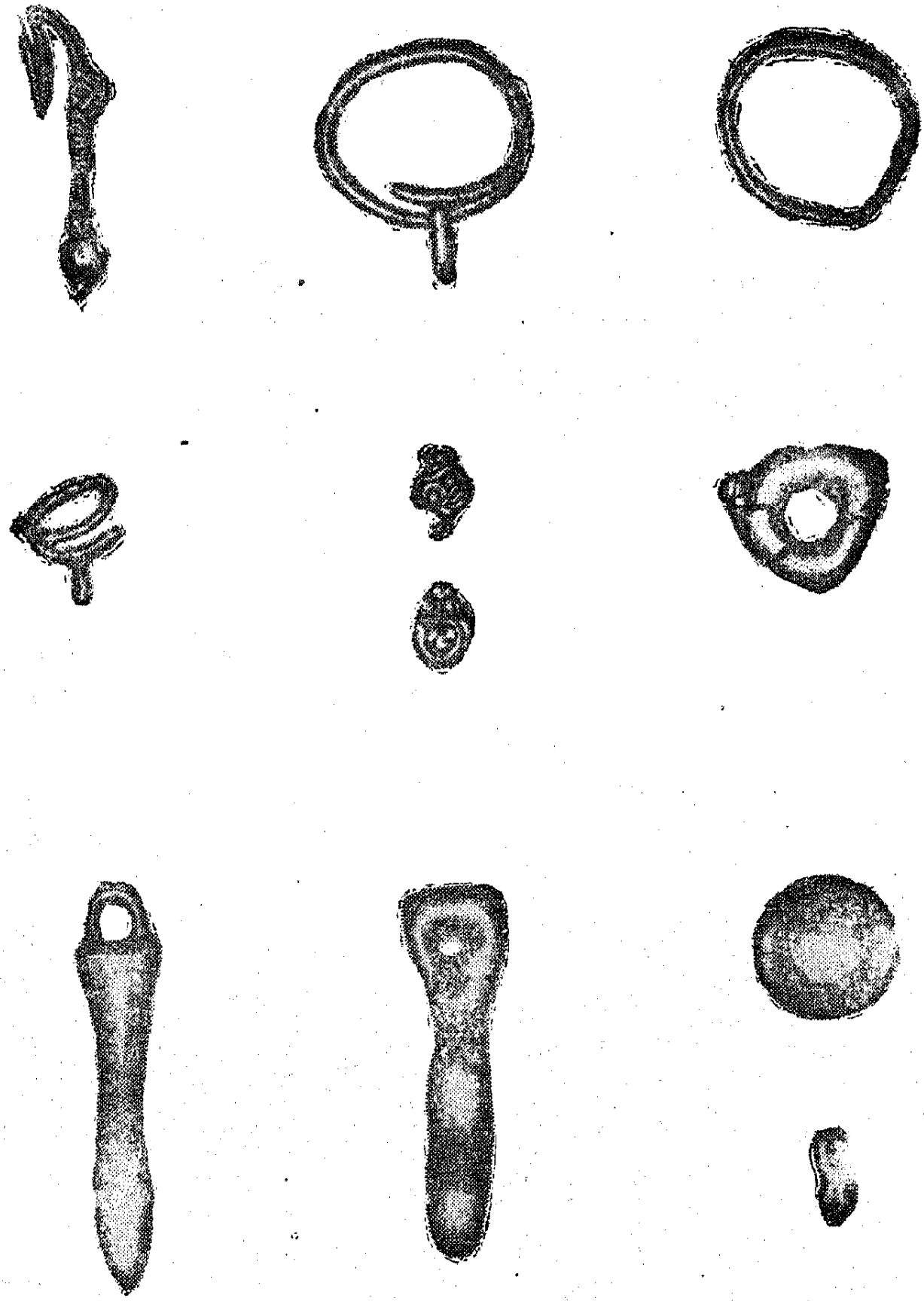
сделанных без гончарного круга. Эта т. н. «сетчатая» керамика обнаружена была в Таласской долине на двух местах. Один раз (1936 г.) на берегу р. Талас ниже с. Шаповаловки, в 1½ клм выше места расположения укрепления Оххум, вторая стоянка была обнаружена на одной из террас р. Асса на территории колхоза Урнэк на бугре с триангуляционным знаком под названием Джумабай тепе. Это обломки глиняной посуды, весьма грубой выделки, серого, иногда красноватого цвета в изломе, с примесью дресвы. Отпечатки ткани происходят по следующим причинам. Для того, чтобы изготовить сосуд, брали небольшой мешок, насыпали его песком и придавали ему ту форму, которую хотели получить. Затем сосуд облеплялся глиняными полосами, швы между которыми замазывались. После того, как сосуд подсыхал, песок из мешка высыпали, а мешок вытягивали. От него и оставались отпечатки по внутренней поверхности сосуда[32]. Судя по отпечаткам, ткань была грубая, нитки разных диаметров, с утолщениями и узлами. Плетение простое, т. н. «полотняное». Таким образом исследование отпечатков на посуде дает основание утверждать, что кроме шкур животных человек употреблял и шерстяные ткани. Керамика обнаруживается разнообразных форм, преимущественно двух типов. Малого диаметра круглодонные чаши без венчика (или с весьма слабо выраженным) и плоскодонные сосуды с расширяющимся туловом и сужающейся горловиной, иногда с носиком и венчиком. Сосуды чаще без ручек, слабо украшены преимущественно врезанным линейным орнаментом геометрического содержания.

На тепе у с. Луговое была встречена керамика грубая, черная в изломе, говорящая о чрезвычайно низкой температуре обжигательной печи, плоскодонная, банкообразной формы с слегка отогнутым наружу венчиком. При изготовлении такого сосуда путем ручной лепки, чтобы дно не присыхало к станку, подсыпали зерна, обычно проса. Во время раскопок были найдены такие сосуды со следами подсыпки зерна проса, свидетельствующие о том, что человек тогда разводил просо. Помимо этого, подтверждением о наличии у них земледелия служат также находимые в большом количестве ручные зернотерки из твердых пород песчаника[33].

К памятникам этого типа, характеризующим быт и культуру кочевников первых веков н. э., относится исследованный в 1938-39 гг. курганный могильник на северных склонах Кара-Тау. Курганник этот занимает территорию от ущелья Улькун-Сай Асу на востоке — вплоть до ущелья Аир-Сай на западе и стоит на землях совхоза «Кара Бастау» и колхозов «Бийли Кульского», «Ленинский путь» и «Джала-Танап». Главная масса курганов (центр мо-

[32] М. Воеводский, К истории гончарной техники народов СССР, ж. Этнография, т. 4, 1940 г., стр. 65 — 66.

[33] Эта культура имеет ряд аналогий в усуньской культуре. См. А. Тереножкин, Археологические разведки по р. Чу в 1929 г., Проблемы ИДО, в. 5 — 6, 1935 и упомянутая статья М. Воеводского и М. Грязнова в ж. ВДИ, 3 (4), 1938 г.

Беркаринский могильник. Золотые серьги и другие украшения, найденные в могилах.

гильника) расположена против ущелья Берккара. Здесь было зарегистрировано 457 насыпей разнообразной величины и формы. Некоторые курганы достигали до четырех десятков метров в диаметре и до трех метров высоты. Главную массу курганника составляли средние курганы 12 — 16 м в диаметре и до 1 м высоты. Они принадлежали рядовой массе кочевников. Под каменной насыпью, на глубине до 1,5 м от верха насыпи находилась могильная яма, в которой, головой на запад, ногами на восток, лежал обычно один покойник. Рядом с ним клались вещи, якобы необходимые ему в загробной жизни, которая, по представлению тогдашних жителей, была точной копией земного существования. Такие представления называются анимистическими. Поэтому рядом с покойниками находились керамика—посуда, предметы украшения и т. п. Посуда была найдена разнообразных типов, а из украшений — кольца, серьги, бусы. Среди последних наибольший интерес представляют серьги. Сделаны они из тонкой золотой проволоки в виде спирали, в нижней части которой припаивались подвески на цепочке. Эти подвески заканчивались либо камешком темнозеленого цвета (возможно змеевиком), либо ажурным плетением в виде какой-нибудь геометрической фигуры или, наконец, эмблемой луны. Такое плетение украшалось мелкими круглыми выпуклыми кусочками золота—зернью. Серьги такого типа и такой ювелирной техники находят себе аналогии в широкораспространенной культуре кочевников раннего средневековья — II — V вв. н. э.[34]. Найденные в Берккаринском курганнике предметы представляют примитивную, первую ступень этой культуры и могут поэтому относиться к первым векам н. э. Массовые раскопки курганов по всему могильнику позволяют теперь выделить более старую и более «молодую» часть могильника. Курганы, находящиеся ближе к ущелью, оказались более старыми. Это и понятно. Курганы при устройстве могильника начинали возводить от устья ущелья. Постепенно цепочки курганов нарастали и удлинялись. Таким образом, курганы, находящиеся в данном могильнике, в цепочках наиболее удаленных от ущелья, оказывались более молодыми. Это заключение основано также и на анализе инвентаря, обнаруженного в могилах. Укажем, например, на тот факт, что в одном кургане, расположенном около ущелья, найдена поясная медная бляха с изображением льва, держащего в пасти птицу, типа лебедя. Голова животного, весьма реалистически выполненная, с экспрессией и знанием объекта, который пытался передать в металле мастер, позволяет относить этот предмет искусства, связанный со скифской традицией в искусстве,

---

34 Об этом искусстве см. И. Толстой и Н. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, т. III. О такого примерно стиля вещах в Казахстане см. Козырев А. А., Раскопки кургана в урочище Кара Агач, Акмолинского уезда, ИАК, в. 16, 1905. Датировку находок см. у A. Schmit, Kacka, ESA I. Аналогичные вещи были случайно найдены в Северном Казахстане у оз. Бордвое в 1927 г. и хранятся в Этнографическом музее в Ленинграде. При издании этих вещей в Трудах Этнографического музея, мы даем, по мере сил, исчерпывающую литературу вопроса.

к эпохе III — I в. до н. э. Посему Берккаринский могильник в наиболее древней части может быть отнесен к III — I в. до н. э., в наиболее «молодой» к I в. н. э. Как мы указали выше, в эти века Таласская долина была занята кочевьями кангюй, почему мы и эти погребения относим к кангюйской культуре, т. к. известно, что основная масса кангюйцев жила к западу от р. Талас, а озеро Бийли-Куль тоже находится к западу от р. Талас.

Некоторое представление об идеологии древних кангюйцев дает структура могильной насыпи. Как правило, насыпь состояла из двух концентрических колец, одного, опоясывающего края насыпи, и другого, окружающего саму могильную яму. Кольцевые каменные выкладки обнаружены и около самых больших трех курганов могильника. Эти кольцевые выкладки являются символами солнца, которому поклонялись многие древние народы, в том числе и кочевники. В научной литературе они называются кромлехами [35]. Выкладки при погребениях возможно символизируют сожжение, предание огню-солнцу покойного. Известно, что многие кочевники сжигали своих покойников, руководствуясь теми соображениями, что огонь «самая чистая вещь». В XI в. автор персидского сочинения под названием «Украшение известий» — Гардизи, описывая кочевников киргизов, сообщает: «киргизы, подобно индусам, сжигают мертвых и говорят: «Огонь — самая чистая вещь; все, что попадает в огонь, очищается: (так и) мертвого огонь очищает от грязи и грехов» [36]. Символы солнца в виде каменных кругов и являются здесь частью представлений аналогичных вышеописанным. Были прослежены и другие выкладки, говорящие о космогонических представлениях древних жителей. Так, например, многие курганы имеют кометообразные «хвосты», около некоторых курганов встречались выкладки в виде луны. Характерно, что одна серьга также имела подвеску в виде луны.

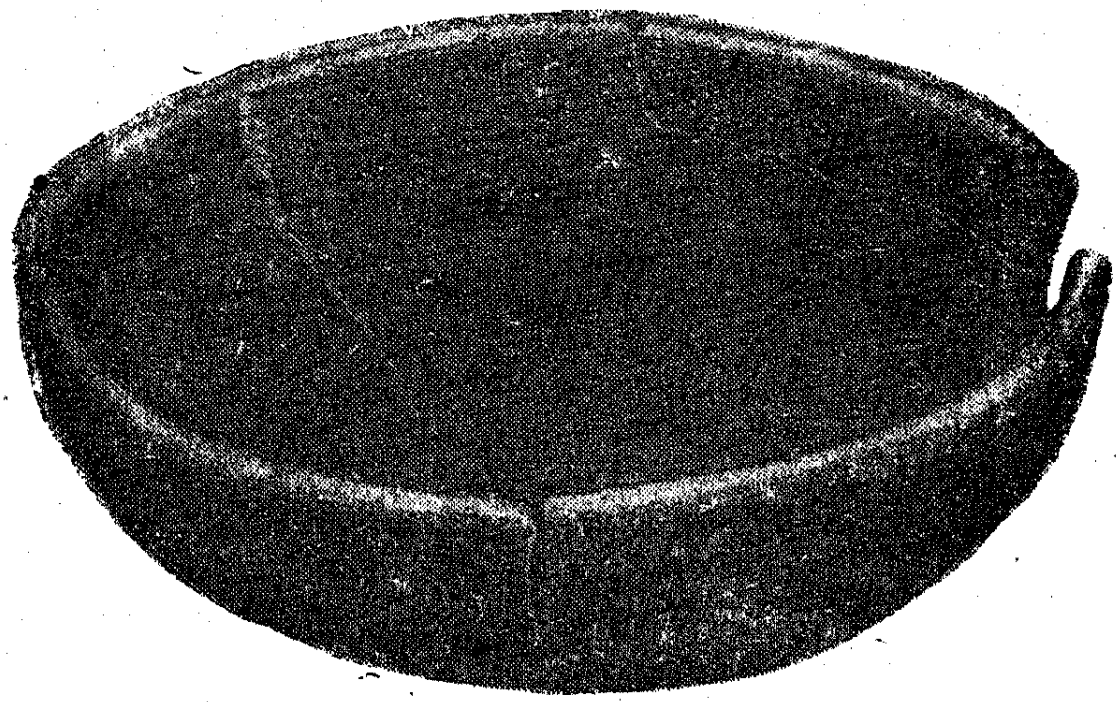
Возможно, что кварц в насыпях или большие кварцевые камни около отдельных курганов имели также свое назначение, быть может имитируя звезды.

Эти чрезвычайно древние представления держатся у кочевников очень долго, несмотря на то, что само общество переживает уже стадию разложения первобытного общинного строя. Это разрушение общинного строя, вытекающее из разделения общества на богатых и бедных, свободных и рабов [37], отражено и в Берккаринском могильнике. Уже по внешнему виду курганные насыпи резко различаются друг от друга. Они отличаются размером насыпей, отделкой всевозможными выкладками. Одна из насыпей, например, сплошь обложена кварцем, придающим кургану весьма интересный и красивый вид. Раскопанный в 1939 г. курган

---

35 О кромлехах см. работы И. Мещанинова, Кромлехи, Изв. ГАИМК, т. VI, в. 3. О кольцевых выкладках в Казахстане еще с Андроновской культуры см. у М. Грязнова, Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане сб. Казаки, Акад. Наук. 1927 г.

36 В. Бартольд, Отчет, стр. 111.

Беккаринскиий могильник. Типы сосудов.

Ак-таш был, естественно, начисто ограблен, но в нем были найдены обломки керамики несравненно лучшего качества, чем в других рядовых могилах, а также обломки китайского зеркала из сурьмы.

Средние курганы, как мы выше показали, составляющие основную массу насыпей, имеют сопутствующие им насыпи и выкладки. В 1939 г. были произведены массовые раскопки отдельных цепочек, состоящих из средних курганов. В них был обнаружен самый разнообразный инвентарь, среди которого отметим: «сарматского» типа железные наконечники стрел, трехлопастные, с черенком; трехгранные костяные, свидетельствующие о тяжелой стреле, а следовательно и тяжелом луке; эфес короткого, но широкого, мечакинжала с лунообразным навершием, а также вещи иноземного происхождения — например, нефритовая чашечка, многочисленные предметы украшения из золота и меди.

Рядом с этими курганами, имеющими женские захоронения, были детские погребения в малых курганах, с тем же инвентарем, главным образом, керамикой. В одной такой насыпи был встречен разбитый сосуд и кости барана—вероятно результат принесения в жертву. В других случаях, как правило, лежат костяки взрослых особей, без всяких предметов. Это погребения рабов, которые убивались со смертью хозяина и хоронились рядом с ним, дабы «прислуживать» хозяину в загробном мире. Не случайно, что в могилах нет никаких положенных с ними предметов. В одной могиле был обнаружен костяк, насильно, вероятно, убитый и сброшенный навзничь в неглубокую могильную яму. Костяк лежал в ненормальном положении, на спине, руки были вывернуты, ноги запрокинуты на туловище и несколько вбок. Видно, что такую позу костяк приобрел при захоронении, когда еще были мышцы, связывающие кости, иначе, если это сделал грабитель или полевые грызуны, кости не были бы в таком относительном «антропологическом» порядке. Эти погребения наглядно демонстрируют наличие классового расслоения среди кочевников кангюй, деление их на рабов и рабовладельцев. Несомненно, что ряд мелких погребений (диам. 4 — 6 м при высоте до 0,30) принадлежал и свободным — детям и женам похороненного. Антропологический облик захоронения принадлежит к т. н. памирофергапскому, европеидному типу [38].

План и расположение курганов свидетельствуют также о наличии еще родового строя. Курганы, несмотря на общность и принадлежность к одному времени могильника, разбиты на отдельные группы-цепочки, говорящие о том, что роды или патриархальные семьи одного и того же происхождения группировали могилы вместе. Поэтому все могильное поле может быть разбито на отдельные родовые кладбища.

---

[37] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, собр. соч., т. XVI, ч. 1.

38 Определение Е. Жирова, старшего научного сотрудника Музея Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР (Ленинград).

БИБЛИОТЕКА

ГЛАВА III

ПЕРВАЯ СОГДИЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕМИРЕЧЬЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТАРАЗА — V В.

До появления тюрок, на территории Таласской долины памятников кочевников III — V вв. н. э. не было встречено в части Казахской ССР. В Киргизской части Таласской долины к востоку от с. Дмитриевского (ныне центра Таласского района, Киргизской ССР), около гумбеза Кенизек Хатун, известного под названием «мазара Манаса», на территории с/с Долоно был обнаружен катакомбный могильник I в. до н. э., II в. н. э. Аналогичного типа погребения были раскопаны еще в 1898 г. финляндским ученым Гейкелем в том же районе, но на другом берегу р. Талас около ущелья Беш-Таш [39]. Таким образом, кочевники, непосредственно предшествующие этой эпохе, по археологическим данным открыты в верхнем Таласе и известны в нижнем течении р. Талас, но не известны для III — V в. н. э. Вместе с тем на территории Таласской долины для этой эпохи известны культурные остатки в оседлых поселениях, во всяком случае до V века до н. э.

Уже в первые века н. э. в Семиречье, в том числе и в Таласскую долину — родину и любимое местопребывание кочевников, проникают пришельцы из центра Средней Азии, выходцы оазисов, расположенных по течению Зарафшана, Согдианы, т. н. согдийцы, племена иранского происхождения [40]. Развитие ремесел и торговли на базе широко применяемого рабовладельческого труда в Согдиане вынудило согдийцев искать выхода своей деятельности далеко за пределами своих родных мест. Порожденная рабовладельческим способом производства широкая колонизационная деятельность согдийцев направилась далеко на восток. Этот процесс весьма ярко напоминает историю античности, которая, разрешая свои внутренние противоречия, порождаемые борьбой рабов против рабовладельцев, широко раздвинула рамки своей территории, проникла, снача-

---

39 H. Heikel. Altertümer aus den Tale des Talas in Turkistan, Travaux Ethnographiques, VII, Helsinki; ср. А. Н. Бернштам, Кенкольский могильник, Л. 1940 г.

40 Сводку по этому вопросу см. В. Бартольд, К вопросу об языках согдийском и тохарском, ИРАН, т. I, 1926 г., поправку в части хронологии и характера колонизации см. в нашей статье: Согдийская колонизация Семиречья. Краткие сообщения, № 6, 1940.

ла в целях торговли, а затем и более сложных, на острова Малой Азии, в самую Малую Азию и еще дальше на восток, а также на побережье Черного моря, на северных берегах которого она основала такие известные города, как Ольвию, Керкинитиду, Херсонес, Боспор, Танаис и десятки других более мелких. Деятельность согдийцев во многом напоминала предшествующую им деятельность греков. Только в условиях рабовладельческого строя возможна такая широкая колонизационная деятельность, какую развили согдийцы. Прекрасные мастера земледельцы и ремесленники, они не только торговали с иноплеменниками, но осваивали их территории, и, наряду со стоянками кочевников, начали возникать стены и валы—постройки согдийцев. Их проникновению обязано Семиречье и развитием культурного земледелия, до сих пор бывшего весьма примитивным и в удельном весе хозяйства незначительным. С ними связаны и своеобразные культурные остатки в древних слоях городищ, резко отличающиеся от того, что археологи находят в синхронных стоянках и могилах кочевников. Согдийская колонизация захватила почти все Семиречье до Иссык-Куля, перекатилась через Тянь-Шань, проникла в Восточный Туркестан и остановилась лишь у Великой Китайской стены. От Самарканда до Лобнора и Дунь-Хуана вытянулись согдийские колонии, где прослеживается согдийская культура[41]. Многочисленные экспедиции в Восточный Туркестан — Грюндведеля, Лекока, Штейна, Ольденбурга [42] и ряда других — собрали достаточный материал для выяснения роли согдийцев в первые века н. э. в Восточном Туркестане. «Великий шелковый путь» был видимо меньше китайским, чем согдийским. Частные и деловые письма, собранные во время раскопок Штейна, изданные и переведенные Рейхельтом [43], наглядно демонстрируют энергичную деятельность согдийцев. Меньше их роль и значение ясны в Семиречье. Во-первых, потому, что еще чрезвычайно мало разработаны археологические памятники, во-вторых, здесь согдийские колонисты очень быстро ассимилировались местным тюркоязычным населением уже в силу того, что согдийские поселения не были так локализованы, как в Восточном Туркестане, и, в-третьих, потому, что в распоряжении историков очень мало письменных источников об этом районе первых веков н. э. и о многом надо судить на основании более поздних источников. Это осложняется тем, что сами согдийцы и их культура плохо изучены на их исконной территории, в бассейне р. Зарафшана и лишь исследования за советский период дали новые и весьма значительные в этом отношении материалы [44].

Факт наличия согдийцев в Семиречье от Исфиджаба (у г. Чимкента) до Баласагуна (около г. Токмака) засвидетельствован наи-

41 В. Бартольд, ук. соч., стр. 34 и сл.

42 Об этих исследованиях см. в нашей статье Уйгурские юридические документы, как исторический источник. Проблемы источниковедения, т. III, Лгр.1940 г.

43 Reichelt, Die Sogdhischen Handinschriftenreste des Britischen Museums II, Heidelberg, 1930.

44 Согдийский сборник, Лгр. 1934, ср. А. Фрейман в ВДИ № 2, 1937.

более точно автором XI века Махмудом Кашгарским. В своем сочинении, написанном в 1074 году, он сообщает: «А те, которые имеют два языка и смешались с населением городов, это... Сугдак, Кенджак и Аргу», и далее — «Жители Баласагуна говорят по-согдийски и по-турецки. И также жители Тараза и жители Белого Города (Мединат-ал-Бейда) также»[45]. В. Бартольд, отмечая вышецитированное место из сочинения Махмуда Кашгарского, писал: «На своей первоначальной родине согдийцы приняли персидский язык и сделались таджиками, в Семиречье, вероятно, и в других местах, они подверглись отуречению. Слова Махмуда Кашгарского, что жители Баласагуна и других городов говорят по-согдийски и по-турецки, показывают, что во второй половине XI в. семиреченские согдийцы переживали последнюю стадию денационализации; еще были люди, говорившие по-согдийски, но уже не было людей, которые бы говорили только по-согдийски» [46].

Эти весьма поздние сообщения о «национальном» составе населения, в частности Таласской долины, позволяют найти объяснения той культуре, которая так резнится от местной культуры кочевников. Вряд ли в пору своего проникновения в Семиречье, в первых веках н. э. согдийцы сразу стали испытывать процесс ассимиляции, который В. Бартольд называет «денационализацией». Этим и объясняется четкое культурное разграничение между вещественными памятниками местного и согдийского происхождения. Аналогичные явления наблюдаются в древних слоях городищ античного происхождения на юге России, где в архаических слоях античная, высокой техники, чернолаковая и краснофигурная посуда весьма резко отличается от местной лепной техники посуды скифского происхождения. Подобно тому, как в некоторых античных колониях постепенно наблюдается смешение греческого населения с местным, выражающееся, в частности, в создании, по

Прекрасный материал по согдийской культуре начал появляться лишь в последнее время. См. Г. В. Григорьев, «Тали Барзу» (отд. отт.); См. О. И. Смирнова, «О трех согдийских монетах», ВДИ, I, 1939 г.; ее же, «Новые данные по истории Согда VIII в.», ВДИ, 4, 1939 г.; А. Фрейман, «Древнейшая согдийская надпись», ВДИ, 3, 1939 г. Многочисленные материалы—результат раскопок советских археологов по Зарафшану, Термезу, Фергане и в других местах — еще не изданы.

45 Здесь и далее все выдержки из арабских и персидских авторов, не оговоренные в сносках и библиографическим аппаратом, даются по специальному переводу С. Л. Волина арабских и персидских авторов о городе Таразе и его округе, которые напечатаны в полном отчете экспедиции. Сугдак — согдийцы, Кенджак — обитатели Кашгарского округа, Аргу—тюркоязычные племена, жившие в районе Таласа. Племенное название Кенджак сохранилось в названии одного из подразделений казахов qandyɣaly; племена Аргу вероятно отложились в казахском племенном названии arɣyn. Характерно, что древнее местообитание племен Аргу совпадает с племенами Аргын. Племена qandyɣaly отмечались и среди кыркызов, живших в верховьях р. Талас, см. Н. Аристов, «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их письменности», а также его же, «Опыт выяснения этнического состава киргизо-казахов Большой орды и кара-киргизов», отд. отт.

46 В. Бартольд. К вопросу об языках согдийском и тохарском, ИРАН, т. I, 1926, стр. 37 — 38.

а

б

Терракота и штампы. Бытовые и культовые предметы из V слоя Тараза, относящиеся к V — VII вв. н. э. *а* — Статуэтка коня, *б* — Форма для изготовления изображения мужского лица.

существу, новой культуры [47], подобно этому и культура слоев городищ после арабского завоевания становится более единообразной, включившей наследие местной и привнесенной сначала согдийской, затем мусульманской культуры.

Вещественными памятниками домусульманского периода Таласской долины являются находки т. н. V слоя в городище древнего Тараза, добытые в результате работ археологической экспедиции КФАН и ИИМК 1938 г. Здесь в северо-восточном углу городища были обнаружены, на галечно-песчаном водоносном слое, примерно около 4½ метров глубины от поверхности, предметы, часть которых относится к наиболее древним образцам согдийской культуры в этой местности. Здесь преимущественно были найдены предметы ритуального (культового) назначения. Некоторые предметы из этого слоя были найдены в более высоких, верхних слоях, благодаря тому, что на этом месте в течение долгого времени было поселение и при последующем строительстве, (рытье котлованов, добыче глины и т. д.) вещи более позднего происхождения попадали вниз и наоборот древние вещи выбрасывались наверх.

Среди вещей, сохранившихся в V слое, обращают на себя внимание следующие: статуэтка коня из глины с седлом и сбруей, в которой наиболее ярко прочерчены узда и шлея; два, повидимому, культовых предмета в виде полушарий с ручками, оканчивающиеся головкой птиц; небольшой глиняный сосудик со следами петлеобразной ручки, желтовато-красного лощения с трехстрочной сирийской надписью [48]; маленький в виде фляги сосудик (мустахара), одна сторона которого плоская, другая шаровидная, украшенный накладным, наподобие цепочки, орнаментом; лицо обезьяны (маймург), бывшее, вероятно, ручкой оссуария — астодана (о них см. ниже) и почти целый предмет непонятного назначения в виде сосуда, стены и дно которого весьма богато орнаментированы; штамп для изготовления из глины терракотового изображения человеческого лица, монеты и много других вещей, главным образом керамика.

Перечисленные вещи залегали (почти все) в сравнительно плотном, однородной структуры, глинисто-лессовом слое, в нескольких местах нарушенном впускными ямами, через которые проникли вещи более позднего происхождения. В слое лесса не было обнаружено какой-нибудь архитектуры, хотя ее следы — куски сырца, штукатурки и т. п. строительного мусора, были найдены в большом количестве в южной части раскопа. Слабая насыщенность в этом месте культурными остатками говорит также, что раскоп по-

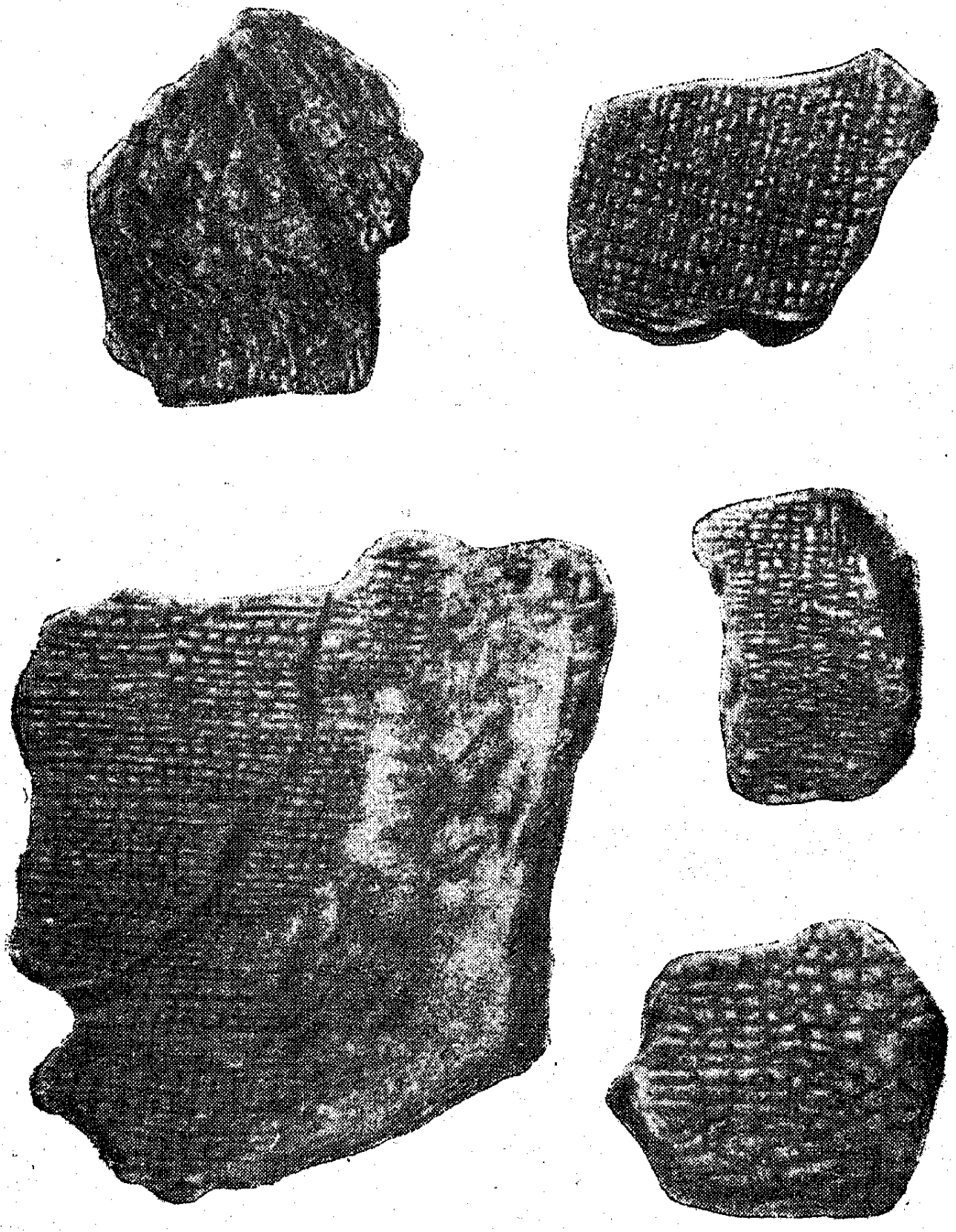
[47] Что так ярко выражено в Боспорском царстве (см. М. Ростовцев, Скифия и Боспор. Лгр. 1918 г.), ср. Ольвию и особенно ее некрополь (см. С. Капошина, Архаический некрополь Ольвии, Тезисы кандидатской диссертации, Лгр. 1937 г.).

[48] А. Я. Борисову удалось прочитать в этой надписи два христианских имени «Петр» и «Габриил». Первое сообщение об этом см. журнал «Наука и Техника», № 7, 1939 г.

пал на площадку около дома, а сама постройка осталась еще не раскопанной. Находки дают все же материал для некоторых суждений. Сирийская надпись на сосуде свидетельствует во всяком случае о христианском населении, проникшем с согдийцами в Семиречье, и языке, имевшем распространение на данной территории. Надпись сделана до обжига сосуда, размашисто; сосуд из местной глины и, по всей вероятности, был сделан также на месте. Наличие согдийского языка и письма (по находкам в Киргизии) полностью согласуется с вышеприведенными замечаниями Махмуда Кашгарского [49]. Характерными являются и статуэтки. По манере и технике изготовления они идентичны с терракотами, происходящими из Согдианы, в частности, с Афрасиабского городища в Самарканде[50]. Сбруя коня тяжелая, украшенная многочисленными тяжелыми металлическими бляхами, возможно фаларами, переданными в орнаменте статуэтки кружками. Высокое седло с вертикально поднятой передней лукой напоминает во всяком случае больше оснащение коня тяжелой парфянской или иранской конницы, чем легкую сбрую кочевника гунна или тюрка. Статуэтка передает западную, а не восточную традицию конского убранства и параллели ей надо искать в Иране или западной части Средней Азии, а отнюдь не на Востоке или в том же Семиречье. Западного происхождения и голова в форме для штампа. Лицо по своим антропологическим данным резко отличается от обитателей Средней Азии и тем более Семиречья. Правильные округлые черты лица, выдающийся подбородок, высокий, выступающий вперед с горбинкой нос, правильный разрез глаз, волосы, украшенные венцом из трилистников, дают скорее всего тип, мы бы сказали, греческий или во всяком случае несреднеазиатский. В известных нам терракотах Средней Азии и стенной росписи храмов Восточного Туркестана мы не найдем полной аналогии описанной терракоте. В этнографическом составе населения Средней Азии этой поры антропологический тип нашей находки не найдет своих соплеменников, во всяком случае в большом количестве. Эта терракота указывает также на далекие западные связи населения и знакомство мастеров, изготовлявших терракоты, с этнографическим типажем, происходящим из местностей далеко за пределами Семиречья. В том же плане западного происхождения вещей (не в смысле их изготовления за пределами изучаемого городища, а по тематике), стоят находки ручки оссуария—астодана. Находка связана с зороастрийским культом.

Оссуарии являются хранилищами костей, освобожденных от трупа. Употреблялись они зороастрийцами, учение которых было распространено в Иране и Средней Азии. Астодан — иранское название этих костехранилищ, оссуарий — археологический термин, введенный исследователем Средней Азии Н. И. Веселовским. Очажки служили для хранения священного огня. Астоданы и очажки

[49] А. Фрейман, ВДИ, 3, 1939 г.
[50] К. Trever. Terracots from Afrasiab, Lgrd. 1930.

Беккаринский могильник. Следы ткани на черепках от формы, на которой лепился сосуд.

всегда богато и выразительно орнаментированы [51]. В наших находках была обнаружена ручка крышки оссуария в виде головы обезьяны — маймурга. К этой же эпохе принадлежит и вышеотмеченный предмет непонятного назначения, сделанный из глины с большой примесью дресвы, среднего обжига. Он представляет собой круглую в плане глиняную площадку с невысокими стенками, отступающими несколько от края основания. Дно — основание богато украшено растительно-геометризированным орнаментом, заключенным в круги. Орнамент штампованный, трех типов, знаки солнца в виде вихревой розетки, четырехлистники крестообразные и, типа волют или капителей колон, завитки растительного орнамента, расположенные крест-на-крест. Внутри круга основной сюжет дополняется еще украшениями в виде бугорков, заполняющих свободное поле круга. Такого типа орнамент солярной тематики весьма был распространен среди предметов искусства и особенно в культуре Сасанидского Ирана. О таких вещах имеется предположение, что они либо были крышками хумов, либо столиками для угощения (достархан). Мы склоняемся ко второму предположению. К серии этих вещей следует отнести и статуэтку, вероятно от ручки сосуда, изображающую женщину в богатом головном уборе. Скорей всего в этой статуэтке мы имеем олицетворение авестийской богини Анахит, символа орошения и плодородия. Таким образом перечисленные вещи, как следует из нашего краткого анализа, свидетельствуют о западных связях первых обитателей поселения. Таким же свидетельством о еще более далеких западных связях является находка монеты, найденной в более поздних слоях городища, но относящейся бесспорно к этой группе вещей. Монета золотая — варварское подражание восточно-римскому солиду V века [52]. Таким образом монета дает возможность датировать весь комплекс находок, грубо говоря, V веком, часть вещей возможно более позднего, другая, более раннего времени. Вероятно к более ранним векам относятся два ритуальных предмета в виде полушарий с ручками, заканчивающиеся головками птиц. Аналогии подобным предметам известны в двух крайних точках кочевого мира. В Ордосе (Китай) были найдены подобного типа и формы бронзовые пряжки, относящиеся, повидимому, к Ханьской эпохе (II в. до н. э. — II в. н. э.). Так их датирует Салмони — издатель одной крупнейшей парижской частной коллекции бронзы Лоо [53]. Аналогичные пряжки были найдены и на западе — в Румынии, т. н. клад Петросса, относимый Альфольди к

---

[51] Об оссуариях и очажках вообще огромная литература, особенно со времени находок т. н. биянайманских и самаркандских оссуариев. Основные статьи Пословского, Калмыкова, Веселовского, Иностранцева и др. помещены в Протоколах ТКЛА и ЗВО. Известную сводку и объяснение этого культа см. К. Иностранцев. О древне-иранских погребальных обычаях и постройках. СПБ. 1909. О правильности названия оссуариев см. статью Н. Марра в ЗВО, т. XX, в. I.

[52] Определена А. Зографом и Н. Бауэром.

[53] A. Salmony, Sinno-Sibera in Art. Paris, 1933.

V в. н. э. и, по его мнению, принадлежащий гуннам [54]. Распространенным мотивом в украшениях гуннской поры являются изображения птиц и рыб, причем первый сюжет особенно часто отражается в памятниках материальной культуры и территориально заходит не только от Китая до Венгрии, но известен и на севере, в частности в Прикамье [55]. Птица и рыба, столь широко распространенные в искусстве кочевников, являются эмблемами «неба» и «воды» (равно как и «земли»). Достаточно вспомнить божества древних тюрок, где «tanri» «небо» [56], воспринимаемое как нечто материальное, является не отвлеченным космогоническим понятием, а вполне реальным, по их представлениям, божеством. Известны также у тюрок, по оставленным ими текстам на древне-тюркском языке, написанным руническим письмом, «священные земля-вода» — yduq jursub [57], нашедшие свое отражение в изображении рыб. Найденные экспедицией предметы являются, как выше было указано, культовыми и полушарие можно рассматривать как материальное выражение неба с его аттрибуцией — птицей, головка которой к этому полушарию прикреплена. Амплитуда колебания в датировке этого типа предметов не позже V в. н. э., являясь территориально промежуточным звеном между Ордосом и Венгрией, они возможно и хронологически стоят посередине указанных дат, т. е. относятся к III — V вв. н. э.

Распространение вещей этого стиля и этого времени весьма ограниченно на территории городища и находки больше не повторялись, несмотря на то, что ряд шурфов доходил до материкового слоя. Поэтому следует считать северо-восточную часть городища наиболее древней. Некоторые данные говорят за то, что аналогичный слой будет обнаружен и в районе цитадели городища. Прекрасное гончарное мастерство первых поселенцев объясняет наличие в стоянках кочевников, наряду с грубой и примитивной по выделке посудой, керамики на гончарном кругу с белым ангобом, теста хорошего промеса и обжига. Такая керамика встречена в нижних слоях поселения на холме Луговое.

В настоящее время мы не имеем достаточно ни письменных источников ни археологического материала для того, чтобы восстановить полностью историю Таласской долины с первых веков н. э. Однако, как следует из вышеизложенного, данные для этого очерка имеются и дальнейшее развертывание работ по археологическому изучению района обеспечит исполнение и этой весьма нужной задачи.

---

[54] A. Alföldi, Archäologische Spuren der Hunnen, Germania, апрель. 1932, в. 2.

[55] Л. Мацулевич, Погребение варварского князя в Восточной Европе, Новые находки в верховьях р. Суджи, Известия ГАИМК, вып. 112, 1934. Ср. А. Шмидт, К вопросу о происхождении пермского звериного стиля, Сборник МАЭ, т. VI.

[56] В. Радлов и П. Мелиоранский, Древне-тюркские памятники в Кошо Цайдаме, СПБ. 1897.

[57] W. Radloff, Die Alttürkischen Inschriften in der Mongolei, Zweite Folge, СПБ. 1899.

ГЛАВА IV

ГОРОД ТАЛАС — ТАРАЗ VI — VIII ВВ.

В середине VI века на территории Центральной Азии возникает кочевое государство древних тюрок с центром на р. Орхоне. Власть государства древних тюрок выходила далеко за пределы Центральной Азии и достигала до Семиречья, включая и Таласскую долину. Здесь, в Семиречье, вскоре создалось сравнительно автономное государство западных тюрок, часть племен которых жила на р. Талас. Но уже перед образованием самостоятельного западного тюркского каганата, в конце VI века район Таласской долины начинает фигурировать в письменных источниках. Имеем в виду посольство из Византии от императора Юстина II некоего Земарха Киликийского, который в ответ на посольство тюрок во главе с Маниахом, вместе с ним, в 568 г. прибыл в ставку тюркского кагана Дизабула, расположенную около горы Эк-Тель (вероятно Ак-Таг). Обычно эту ставку локализуют около г. Кульджи, где имеется гора Ак-Таг. На обратном пути Земарх сопровождал Дизабула в его походе против Сасанидского Ирана и в городе Таласе они встретили персидское посольство.

Описанное событие заключает в себе древнейшее упоминание города Таласа, запечатленное византийским историком Менандром Протектором в его рассказе о посольстве Земарха[58]. Точная локализация города Тараза представляла известные трудности. В позднейших мусульманских источниках город Талас выступает под рядом названий, во-первых, под именем Тараз, во-вторых, особенно после монгольского периода, под именем Талас, Яны Талас и просто Яны[59]. Эти же источники дают все основания помещать Тараз на р. Талас, а археологические данные уточняют эту локализацию, отождествляя развалины города с остатками старого поселения в г. Джамбуле. К этому выводу приводили размеры городища, на

---

58 С. Дестуннис. Византийские историки, СПБ, 1861, Ed. Chavannes, Dokuments... стр. 238 и сл.

59 Ср. Quatremère, ук. соч., В. Бартольд, Отчет. 1897, стр. 17.

много превосходящие другие известные городища Таласской долины, характер культурных слоев, отвечающих времени существования города, его значение как центра некогда богатой и сильной округи, наконец, его топографическое место среди синхронных поселений и на караванном пути с запада на восток. Ныне развалины древнего Тараза заняты городским базаром г. Джамбула.

Описания города Тараза первое о нем упоминание не содержит. Характеристику города с этого времени, т. е. конца VI века и позднее, дает археологический материал, но прежде чем к нему перейти, следует остановиться на исторических судьбах этого района в VI — VIII вв. н. э., когда он входил, равно как и Таласская долина, в систему тюркского каганата.

Тюркский каган, который встретил Земарха, под названием Сильзивул (разночтения: Дизабул, Синджибу, Зибел, Джебу и т. д.[60]), был Истеми каган древне-тюркских источников[61]. Упомянутое имя со всеми разновидностями является лишь титулом, искаженной формой тюркского титула ябгу. Ябгу, равно, как и термин шад, носили обычно члены правящего тюркского рода, получившие удел. Шад, помимо прав ябгу, был обычно наследным «принцем». Истеми был братом основателя тюркского кагана Тумыня или Бумына[62]. Истеми был посажен на управление западно-тюркскими племенами, на территории которых он и ездил с Земархом.

Начиная со второй половины VI века, т. е. непосредственно после первого упоминания о городе Таласе, сведения о нем, все время не прекращаясь, прослеживаются и в исторических письменных источниках.

В середине VII в. (в 630-х гг.) по Семиречью проехал китайский путешественник Сюань-цзан, который передает имя города Талас в китайской транскрипции Да-ло-се. Так, в описании его путешествия Си-юй-цзи говорится: «сделав от ста сорока до ста пятидесяти ли на запад от Мынг-Булака, он приехал в город Талас, имеющий в окружности от 8 до 9 ли. Здесь останавливаются и торгуют всевозможными товарами купцы, приезжающие из разных стран. По своим естественным богатствам и климату страна эта походит на Су-е» (р. Чу. — А. Б.)[63]. Точно местоположение Мынг-Булака неизвестно, но зато имеется маршрут в истории китайской династии Тан, в котором расстояние от Кулана (Цзю-лань китайских источников, соответствует развалинам у поселка Луговое) до Таласа равно 130 ли, т. е. примерно 70 клм, а по-арабски — 17 фарсахам, т. е. около 100 клм, что равно расстоянию между современ-

---

60 Объяснения этим произношениям см. А. Бернштам, К вопросу о жекании в древне-тюркских языках. Сборн. Язык и мышление. Памяти академика Н. Я. Марра. Отождествление этих имен с одним лицом см. у М. Артамонова. Очерк истории хазар, Лгр. 1937 г.

61 П. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль Тегина, ЗВО, т. II — III, ср. примечания.

62 Там же.

63 St. Julien, Mémoire sur les countrées occidentales, Paris 1857, ср. стр. 12—15. Текст из. I, л. 9б.

ным г. Джамбулом (Талас) и с. Луговое (Кулан)[64]. По словам Сюань-цзана Талас уже был значительным городом до 4 клм в окружности. Рост города был вероятно связан со второй согдийской колонизацией, в частности, особенно коснувшейся г. Таласа. Об этих событиях имеются в источниках весьма интересные данные.

К началу VII века территория Семиречья от Иссык-Куля на запад была занята в основном тюркскими племенами и согдийскими колониями. Тюрки распространили свою власть на города-государства Средней Азии, составляя с ними органически одно целое. В 569 году был обойден наследством некто Далобянь, сын тюркского кагана Муганя, как рожденный от рабыни. Далобянь был послан ханом Шаболио на запад, в г. Бухару. Питая ненависть к правящему каганскому роду, Далобянь, он же Або-хан китайских источников или Абруй — мусульманских, выступает оппозицией против кагана Шаболио Нету. В союзе с низшими городскими слоями Або-хан или Абруй одновременно наступает и на знать города Бухары. В результате «дихканы и богатые бежали из этой области и ушли в Туркестан. Они основали город Тараз»—сообщает об этом эпизоде персидский автор Нершахи[65]. Город Талас—Тараз существовал и до этого эпизода, но легендарный рассказ, приведенный Нершахи, важен потому, что он свидетельствует о второй согдийской колонизации этого края при непосредственном участии в ней тюрок. С Або-хана (Абруя) начинает свое самостоятельное существование западно-тюркский каганат, в территорию которого вошел и г. Талас. Або-хан был разбит последующим за Шаболио каганом Чулохэу (Караджурин персидского автора) и казнен. Западно-тюркский дом продолжал свое существование. Сыновья Або-хана управляли западно-тюркским каганатом. При одном из его потомков, западно-тюркском хане Шаболо Хилиши, владения были разделены на 10 частей, каждая называлась «стрелой», по-китайски Ше[66]. Эта же система деления запечатлена и тюркскими источниками под термином «on oq budun "[67]. Пять таких подразделений обитали к востоку от р. Чу и носили название конфедерации Дулу, остальные пять были расселены на запад от р. Чу и назывались Нушеби[68]. Основной территорией последних была долина р. Талас. В 640 году из племени Нушеби происходит каган Иби-Шаболо Шеху. Во время его правления были завоеваны далекие страны на западе, включая Согдиану, разделенную в то время на ряд отдельных княжеств[69]. Не случайно, что проехавший здесь Сюань-цзан от-

---

[64] В. Бартольд, О христианстве в Туркестане в домонгольский период, ЗВО, т. VIII, в. 1 — 2, стр. 14 и сл.

[65] Н. Лыкошин, История Бухары, Ташкент, 1910 г. Раскрытие этого эпизода см. у С. Толстова, Тирания Абруя, Исторические записки № 3 1938 г.

[66] Тан-шу, гл. 140б, л. 8б.

[67] W. Radloff, ATIM, Zweite folge, стр. 15.

[68] Тан-шу, гл. 140б, л. 9а.

мечал, что все владения и города находились под эгидой западно-тюркского кагана. Вторая согдийская эмиграция начала VII в. и захват военнопленных при экспансии Иби-Шаболо Шеху на запад привели к тому, что западно-тюркский каганат был крайне насыщен согдийцами и их культурой. Сюань-цзан проехал Семиречье, повидимому, при хане Иби-Шегуй. В 659 году Иби Шегуй был убит повстанцем из рода Нушеби—неким Хэлу[70]. Хэлу происходил из неизвестного поселения при р. Талас. В Таласской долине он и начал свою успешную деятельность против Иби-Шегуй кагана. Причины восстания Хэлу источниками не указываются, повидимому, это была одна из многих междоусобных войн, окончившаяся благополучно для Хэлу. В 651 году Хэлу учредил свою ставку в Мынг-Булаке и принял наименование Шаболо каган, объединив снова все 10 частей племен Дулу и Нушеби[71]. Таким образом в середине VII века племена Таласа играют выдающуюся роль в истории западно-тюркского каганата. Непосредственные упоминания о Таласе относятся только к середине VIII века, когда господство на территории западно-тюркского каганата (существование которого кончается в 704 году, когда последний каган Синь был убит в Кулане тюргешским предводителем) переходит к племени тюргешей, обитавших ранее к западу от Иртыша и на р. Или[72]. Тюргеши разделялись на две части — черных и желтых. Это деление тюргешей подтверждают и древне-тюркские источники, которые знают просто тюргешей и каратюргешей. Китайская литература связывает происхождение желтых тюргешей с ханом Согэ (708 — 717 гг.), а черных тюргешей с ханом Сулу (717—738 гг.)[73].

При сыне Сулу кагана — Тухосянь Гучжо, упоминается его союзник Живэй хан, владевший городом Талас и совместно с Тухосянем участвовавший в военных операциях против Мохэ Даганя, восставшего родового старейшины[74]. Э. Шаванн видит в имени Мохэ Дагань — тюркский титул Бага-тархан, хорошо известный в древне-тюркских источниках[75]. Город Талас был, повидимому, центром каратюргешских родов, занимавших в то или иное время господствующее положение в Семиречье. Во всяком случае есть прямые указания на то, что в середине VIII века Талас является

---

69 Тан-шу, гл. 140б, л. 10а.

70 Тан-шу, гл. 140б, л. 11а.

71 Тан-шу, гл. 140б, л. 11б.

72 Тан-шу, гл. 140б, л. 17б. О тюргешах см. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, П. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 125,

73 Таншу, гл. 140б, л. 19б «Потомки Согэ составляют желтые кочевья, поколение Сулу составляет черные кочевья».

74 Правильный перевод этого места у Ed. Chavannes, ук. соч., стр. 83 — 84. У Бичурина И. ук. соч., т. I, стр. 370, непонятная для нас ошибка и вместо Та-ло-се у него дана транскрипция Хыклос (?) В тексте ясно стоят иероглифы Та-ло-се. Ср. Тан-шу, гл. 140б, л. 20а.

75 Ed. Chavannes, ук. соч., стр. 83 — 84, ср. стр. 346.

столицей каратюргешей. В 739 году начальник города Сули (Кашгар) по имени Фумын Линча и ферганский князь нападают на Талас и убивают кагана каратюргешей Живэй[76]. В 739 году был взят в плен и Тухосянь, препровожденный в Китай, где был помилован, получив военный чин и княжеское достоинство. Несмотря на раздоры среди тюргешей, господствующее положение среди них занимали каратюргеши вплоть до падения их в 766 году, когда земли тюргешей были покорены карлуками[77]. Судя по вышеприведенным данным, столицей каратюргешей был Талас, каратюргеши же были после падения западно-тюркского каганата господствующим племенем в Семиречье. Не случайно в древне-тюркских текстах, например, в памятнике в честь Кюль-Тегина, при описании борьбы восточных тюрок с другими племенами война с тюргешами занимает весьма почетное место. В памятнике Кюль-Тегина говорится: «Тюргешский народ мы победили и обратили в бегство. Войско тюргешского кагана пришло при Болчу подобно огню и буре...» и далее—«их (тюргешей. — А. Б.) кагана мы там убили, его племенной союз покорили, (но) каратюргешский народ весь откочевал вглубь (страны)»[78]. Этот поход, который дважды упоминается в тексте Кюль-Тегина, согласно П. Мелиорранскому, относится к 711 году и проводился каганом восточных тюрок Мочжо, который ликвидировал могущество тюргешей, повидимому «желтых». Каратюргеши, как следует из древне-тюркского текста, остались автономными и, как мы выше показали, имели своей столицей по всей вероятности город Талас на р. Талас, подобно тому, как столицей желтых тюргешей был г. Суяб на р. Чу[79]. Однако Суяб был чаще всего разрушаем набегами восточных тюрок и походами китайцев.

Следует с этими фактами сопоставить находки большого количества монет из раскопок Тараза, своеобразной формы и чеканки. Это китайского типа медная монета с четырехугольной дырочкой посередине (для хранения их на тесемке), на одной стороне которой дугообразная тамга, а на другой надпись: «Тюргеш каган». Монеты явно тюркские, о чем говорит сама надпись[80]. Несомненно, что эти монеты могли чеканиться только в этот период времени, т. е. с 704 года, (после гибели западно-тюркского каганата, когда тюргеши получают политическую самостоятельность) до 766 года, когда их территория была завоевана карлуками, другими тюркскими племенами, жившими доселе в западном Алтае и Тарбагатае. В пределах указанного времени, в 704 — 766 гг. и могла быть чеканка каратюргешами монет, а так как в 711 г. были подчинены

---

[76] Тан-шу, гл. 140б, л. 20а.

[77] Тан-шу, гл. 140б, л. 20б.

[78] Мелиорранский, Памятник в честь Кюль Тегина, стр. 73. В тексте: „Türgäs budunyγ uda basdymyz. Türgäs qaγan süsi bolcuda otca buraca kälti“... „Qaγanyh anda ölürtimiz, älin alγymyz, ara türgäs budun qup icikdi“.

[79] П. Мелиорранский, ук. соч., стр. 125.

[80] О них подробно см. нашу статью — «Тюргешские монеты», Труды Отдела Востока, Гос. Эрмитаж. 1940 г. О монете подобного типа см. E. W. K. Miller, Uigurica, II, APAW, 1910, Berlin.

желтые тюргеши и оставались автономными только каратюргеши, у которых главным городом был, как это показано было выше, Талас, то монеты следует признать каратюргешскими, а Талас местом чеканки тюрко-китайских, тюргешских монет. Отсюда ясно почему так многочисленны находки во время раскопок Тараза монеты с надписью «Тюргеш каган». На основании данных источников следует монеты с этой надписью относить в промежуток времени 704 — 766 гг. н. э. и считать их скорей всего таласской чеканки.

Сведения о Таласе, городах и племенах, населявших долину реки Талас, сообщает одна манихейская рукопись [81]. В этом религиозном сочинении имеется упоминание о воинственных тюркских племенах Аргу на Таласе и городах Кашу, Якакент, Ордукент и городе Чикилей. Рукопись была написана для крупного владельца, происходящего из рода чикиль, по имени Арслан Эль-Тиргюг Алп Бургучан Алп Таркан бег[82], занимавшего престол, но по рукописи неизвестно где. Лекок сравнивает его с Арслан Тарканом, правителем Ферганы в середине VIII века [83]. В китайской истории династии Тан в разделе, посвященном Фергане, действительно имеется под 739 годом упоминание о том, что «владетель А-силань Дагань Чжу покорил Ту-хо-сянь и с грамотою получил с (китайского) двора княжеский титул» [84]. Совершенно очевидно, что указанный здесь А-си-лань Дагань является Арслан Тарканом, который в 739 году вместе с кашгарским правителем атаковал каратюргешей и убил владетеля Таласа Живэй кагана. Перечисленные города и племена являются по существу частью пышного титула ферганского владетеля, в то время когда он совершил удачный поход на Талас, почему он выступает как владетель ряда городов, в том числе Таласских (вероятно Якакент) и Чуйских (Ордукент), а также племен Аргу и Джикиль, живших в междуречье рр. Чу и Талас, верней у Таласа. С именами этих городов и племен мы столкнемся ниже. В рукописи упоминается, что Арслан выступает против «больших тюрок», повидимому, имеется в виду восточно-тюркский каганат.

В результате, значительное количество войн. сильно ослабило могущество тюрок. На востоке в 747 году был разбит последний каган тюрок Озмыш—первым ханом уйгурской династии Моюн-Чуром [85]. Тюргеши были ослаблены внутренней борьбой между черными и желтыми родами, а также разгромом со стороны коалиции Ферганы и Кашгара. Все это позволяет китайцам усилить экспан-

---

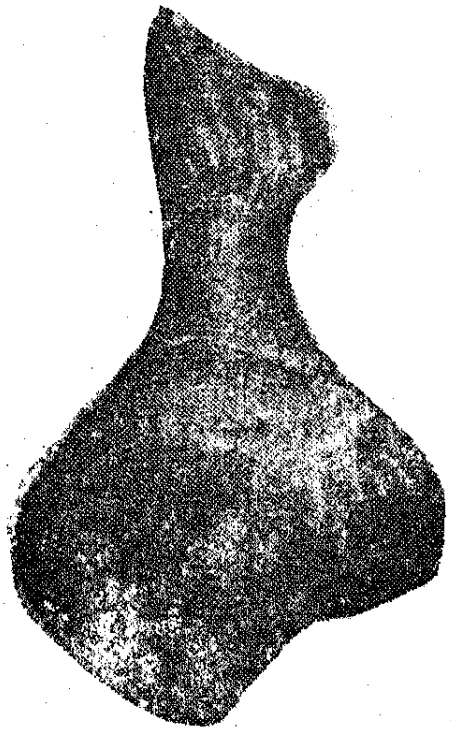
[81] A. von Le Qoq, Turkische Manichaica aus Chotscho, I. Anhang AKAW Berlin, 1911.

[82] A. von Le Qoq, ук. соч., стр. 27.

[83] Ук. соч., стр. 44.

[84] Ср. Ed. Chavannes, ук. соч., стр. 148 — 149, И. Бичурин, ук. соч., т. III, стр. 252.

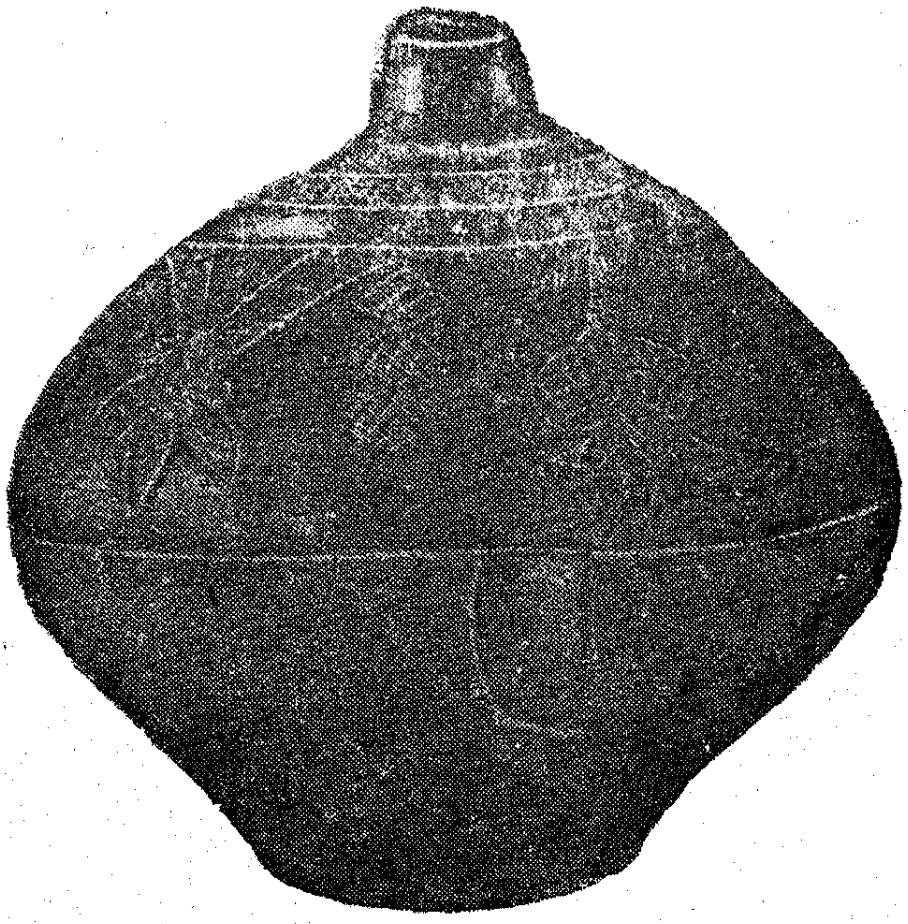
[85] C. J. Ramstedt, Zwei Uigurische Runenischriften in der Nord Mongolei, Journal SFOug Helsinki, 1913 г. Его же, Русский перевод надписи в Трудах Троицко-савско-кяхт. отделения Приамурского отдела РГО, т. XV, в. I.

а

в

а, в — Терракота и штампы. Бытовые и культовые предметы из V слоя Тараза, относящиеся к V — V вв. н. э. *а* — Головка птицы; *в* — Статуэтка богини Анахит; *с* — Неполивная посуда VIII — X вв.

сию в Семиречье, в результате чего в июне 751 года арабы на р. Талас столкнулись с сопротивлением не тюркских племен, а китайских войск под предводительством Гао-сянь-чжи. Борьба на р. Талас, по мнению В. Бартольда, решила вопрос о том, какая цивилизация —китайская или арабская—будет господствовать в Средней Азии, в частности в Семиречье [86]. Битву выиграли арабы, под предводительством Зияд ибн Салиха, которые однако не распространили свою власть на Семиречье. Собравшиеся с силами тюркские племена выступают против захватчиков иноземцев и в 766 году карлуки подводят под свою власть все тюркские племена Семиречья[87]. Если сами арабы не господствовали в Семиречье, то зато их культура, в течение крайне небольшого срока получившая широкое распространение в Средней Азии, вскоре дошла и в Семиречье. Здесь она нашла для себя достаточно подготовленную почву в виде, в первую очередь, городских центров, а через них проникла и к кочевникам. Все же, как ни сильно было влияние новой культуры в Семиречье, оно сохранило свои специфические черты. Город Талас, который с ранних мусульманских источников начинает выступать под именем Тараз, больше чем другие города Семиречья впитывает в себя черты среднеазиатской культуры. Для мусульманской Средней Азии он стал форпостом в среде кочевого мира и окраиной мусульманской Средней Азии. Эта роль и значение Тараза, как города посредника, независимо от роли и значения его, как самостоятельного политико-экономического и культурного центра, достаточно ярко сказывается в археологических памятниках. Но прежде чем перейти к этому новому этапу, проследим на известных и исследованных нами памятниках положение в Таразе, Таласской долине и ближайших окрестностях перед проникновением мусульманской культуры в период времени VI — VIII вв.

Памятники материальной культуры переходного периода VI —VIII вв. крайне плохо изучены. К этой эпохе относятся промежуточный слой Тараза между пятым и четвертым (нижние горизонты четвертого), третий и четвертый слои Кош Тюбинского городища, слои третий и четвертый холма у с. Луговое, третий и четвертый слои Кулана и кое-что другое. Общей характеристикой слоев является большое количество неполивных фрагментов керамики. Хорошо датируется этот слой на Кош Тюбинском городище. Здесь были обнаружены фрагменты сосудов и целые сосуды котлообразной формы, с круглым дном, лепные, с горизонтальными ручками на крутых плечиках, с сильно закопченной поверхностью. Характерно расположение копоти на сосуде. Днище чистое, а копоть начинается немного отступя от дна. Происходило это от системы очага, где котел своим дном непосредственно лежал на

86 В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 200.

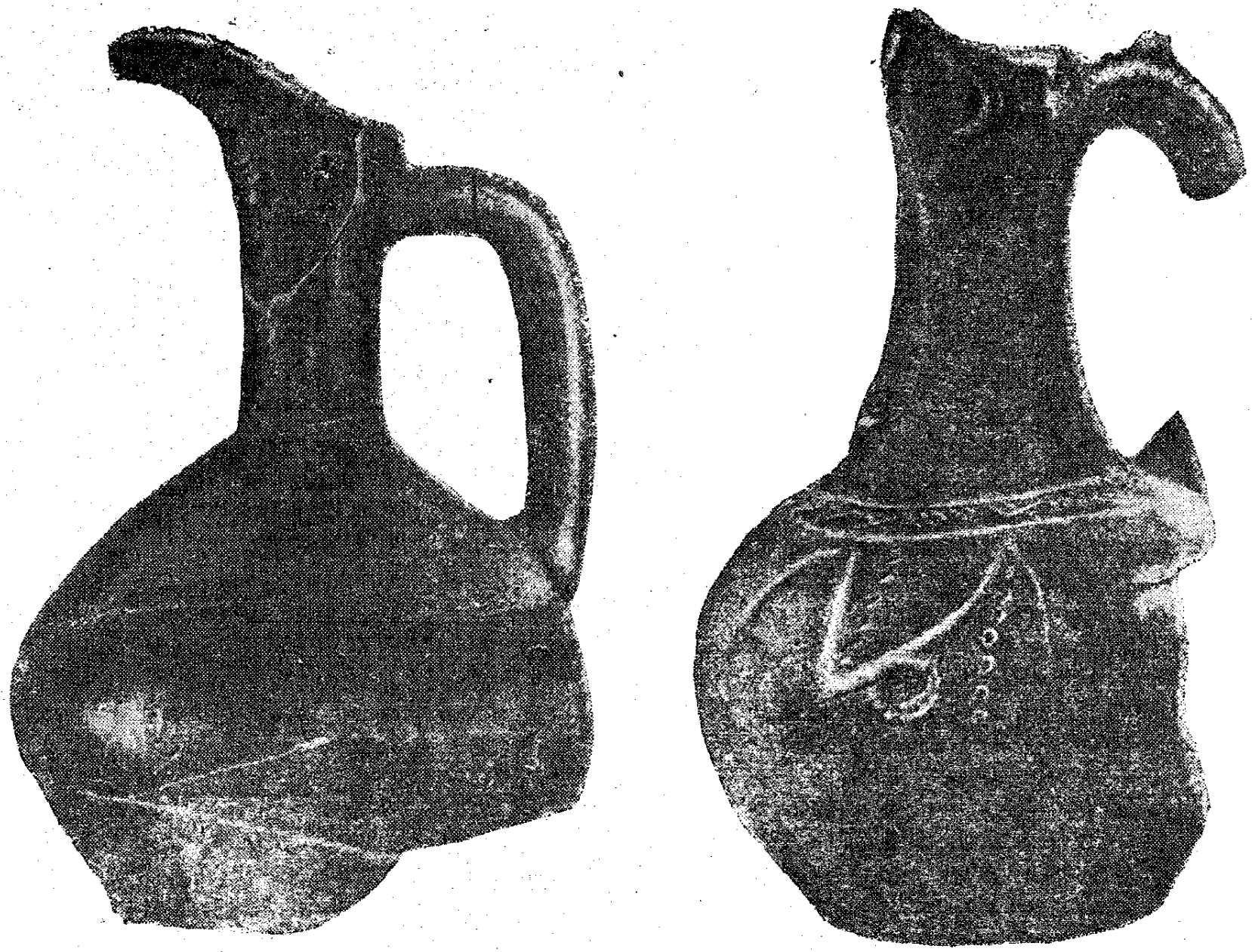
87 Ук. соч., стр. 206.

раскаленных углях, а его стенки обволакивались дымом. По всей вероятности это были очаги, вырытые в земле, до сих пор еще широко распространенные среди казахов. Остатки таких очагов были найдены в соответствующих слоях Кош Тюбинского городища. Около очагов имелись следы очажных прослоек, характеризующие также непосредственно на поверхности устроенный очаг. Около очагов было найдено большое количество костей домашних животных, с преобладанием овцы и лошади. В этом же слое были найдены бронзовые бляшки—сбруйные накладки со шпеньком на оборотной стороне в виде сердечка — трефообразные и односторонне закругленные. Подобного типа сбруйные накладки очень характерны для VI — VIII вв. н. э. и были широко распространены у кочевников. В погребениях кочевников Алтая этого времени такого типа украшения являются обязательной находкой [88]. Среди других вещей наблюдаются зернотерки и примитивные легкие жернова. Непосредственно с этим слоем связаны слои с поливой, весьма характерной — жидкой, светлозеленой. Из неполивной керамики обращают на себя внимание фрагменты грубых, толстых и тяжелых черепков, с черной полосой внутри излома, украшенные орнаментом крупных очертаний. Об орнаменте подобного типа подробней будет сказано ниже. Таким образом Кош Тюбинский слой, третий и особенно четвертый, прекрасно датируется VI — VIII вв. По своему общему облику они скорее напоминают стоянку кочевников, чем оседлое поселение земледельца. Видимо такого типа поселения и представляют собой переходную стадию стоянки-зимовки оседающего кочевника к прочному поселению земледельца. Несколько иную картину представляет собой слой третий и четвертый Кулана — городище у с. Луговое на речке Карагаты. Здесь также отсутствует поливная керамика. Фрагменты сосудов содержат резной и налепной орнамент, иногда штамп, плохой, неаккуратной выделки. Тематика орнамента растительная и геометрическая: лозы винограда, волнистые линии, штампованные круги и мн. др. Поверхность часто ангобированная белым ангобом. Среди вещей обращает внимание богато орнаментированная грубым, сильно врезанным орнаментом крышка сандала с сильно закопченной внутренней поверхностью, весьма стилизованное изображение человеческого лица и др. Хорошо датирующим материалом является осколок круглого глиняного налепа, украшенного концентрически расположенными круглыми в плане, с плоской вершинкой бугорками вокруг какого-то растительного сюжета. Подобного типа орнамент на налепе широко распространен в орнаментике архитектуры и тканей поздне-сасанидского Ирана [89], а также имеет аналогии и в на-

---

[88] С. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, Материалы по этнографии, т. IV, в. II, стр. 54 и сл. С. Киселев, Раскопки на Алтае, Советская археология, т. I.

[89] Образцы таких тканей и находки их на Алтае и в Монголии см. Труды Гос. Ист. Музея, т. IV, 1929 г. и сб. Северная Монголия, II. Лгр. 1927, стр. 75.

Неполивная посуда VIII — X вв.

лепах времени тюркского каганата в Монголии, где ими украшались погребения тюркских князей[90]. Этим самым можно с большой определенностью говорить о времени III — IV слоя Кулана, т. е. датировать VI — VIII вв. К этому времени относятся нижние горизонты четвертого слоя Тараза. Характеристика неполивной посуды остается та же. В отличие от предшествующих двух комплексов в Таразе, слой четвертый содержит в большом количестве поливную керамику, преимущественно зеленого цвета, иногда желтоватых оттенков. К наиболее ранней поливе относится один целый сосуд — кеса. Внутренняя ее поверхность разбита на четыре медальона, внутри которых изображены, сравнительно реалистично, кипарисы — вечно-зеленые деревья «древа жизни». Многочислен орнамент прорезной, подглазурный растительного содержания. Среди неполивных сосудов значительное количество керамики с лощением красного и желтого оттенков. Выделяется в особую группу т. н. «согдийская керамика», которая особенно распространена в этих горизонтах и отсюда ведет свое происхождение.

«Согдийская» керамика представлена обычно кувшинами, чаще всего закрытого типа сосудами с узкой горловиной, реже встречается чашеобразная керамика. Посуда лепная, из плохо отмученного теста, с большой примесью дресвы—«отощающая масса» которой добавлялась в слишком жирное тесто. Обжиг средний, иногда недостаточный. В изломе черепки имеют слоистость, указывающую на ручную лепку. Следы ручной лепки чувствуются весьма ярко и во всей асимметричной конфигурации сосуда, а также на внутренней поверхности сосуда. Обычно сосуд лепился из четырех кусков: дна, двух лент боковин и горла. Слои находили один на другой, тщательно замазывались и лощились по поверхности, сдавливались внутри, замазывались и иногда еще «спаивались» добавочной лентой внутри, по шву. Отжимы пальцев обычно хорошо видны на внутренней поверхности сосуда. Поверхность сосуда украшалась накладным, в виде тонких полосок, орнаментом, тщательно примазанным к сосуду. Орнамент обычно солярной тематики, в виде волют и знаков солнца, дополняется, зачастую, короткими глубоко врезанными штрихами. Горловина имеет антропоморфный орнамент, иногда спускающийся от носика к тулову витой жгут. Тип сосудов и накладная орнаментика весьма схожи с приемом изготовления и украшения сосудов у современных ягнобцев в Таджикистане. Поскольку таджики, а особенно ягнобцы, являются прямыми потомками древнего согдийского населения, постольку способ изготовления керамики, тождественный нашему, наряду с другими пережитками, сохранившимися у них, мы называем «согдийским»[91].

Появление и «расцвет» согдийской керамики в нижних горизонтах четвертого слоя мы связываем со второй согдийской коло-

---

90 Сб. Северная Монголия, стр. 78.

91 О такого типа керамике см. Г. В. Григорьев, Архаические черты в производстве керамики горных таджиков, Известия ГАИМК, т. X, в. 10, 1931.

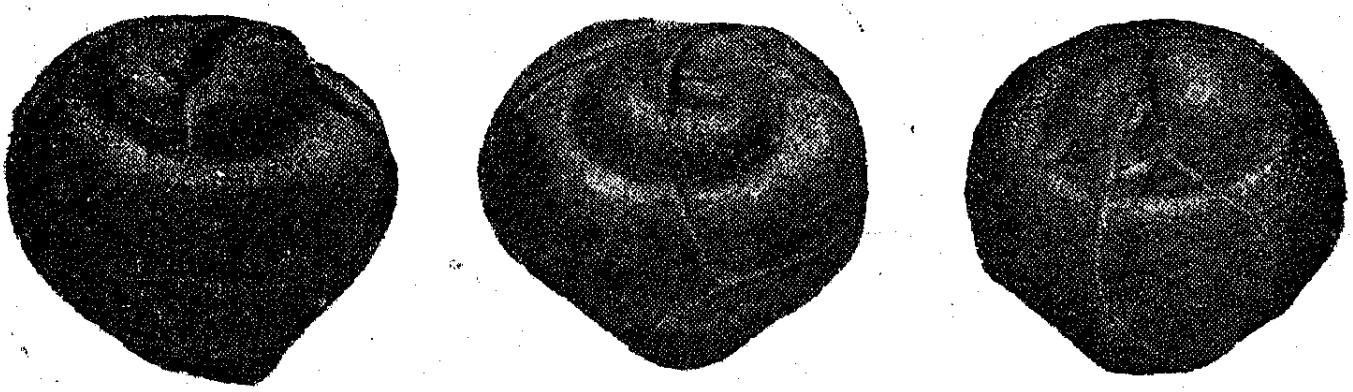
низацией из Бухары в Тараз во время исторического эпизода с Абруем или Або-ханом.

На территории Таразского городища, к этому же времени следует отнести слой второй в раскопке у северо-восточной башни цитадели. Среди керамики, аналогичной вышеописанной типа Куланской, в этом слое имели широкое распространение черепки со штампованным орнаментом в виде кружков, с выпуклыми малыми кружками, крестами и т. п. Широко распространен орнамент из концентрических, по кругу расположенных бугорков, сасанидского типа. Большое распространение имеют всевозможные символы солнца, много меандра. Орнамент тот же, как в Кош Тюбе и Кулане, массивный, крупный, глубоко врезанный или накладной из весьма рельефных полос. Впервые начали попадаться богато орнаментированные сфероконические сосуды. Сфероконические сосуды служили повидимому для перевозки ценных жидкостей [92]. К этой же группе вещей следует отнести найденный недалеко от разбираемого раскопа, в раскопе II, черепок красного лощения с изображением сграффито птицы, вероятно, павлина. Среди других предметов, найденных у башни, обращают на себя внимание фрагменты архитектурных налепов, богато орнаментированные главным образом растительным сюжетом. Среди них — трилистники, с крупными вытянутыми лепестками цветы, рельефное изображение виноградной кисти с листьями. Архитектурные налепы являются остатками украшения здания из сырцового кирпича, следы которого хорошо сохранились в башне, где происходили раскопки. После того как постройка перестала функционировать, остатки сырцовой кладки были использованы в качестве основания (нижнего этажа?) башни, которая включила в себя эту постройку. Основание и стены башни были за пределами сырцовой постройки, как бы охватывая ее со всех сторон. Описанные находки по своему выразительному орнаменту и стратиграфическому положению бесспорно относятся к VII — VIII вв.

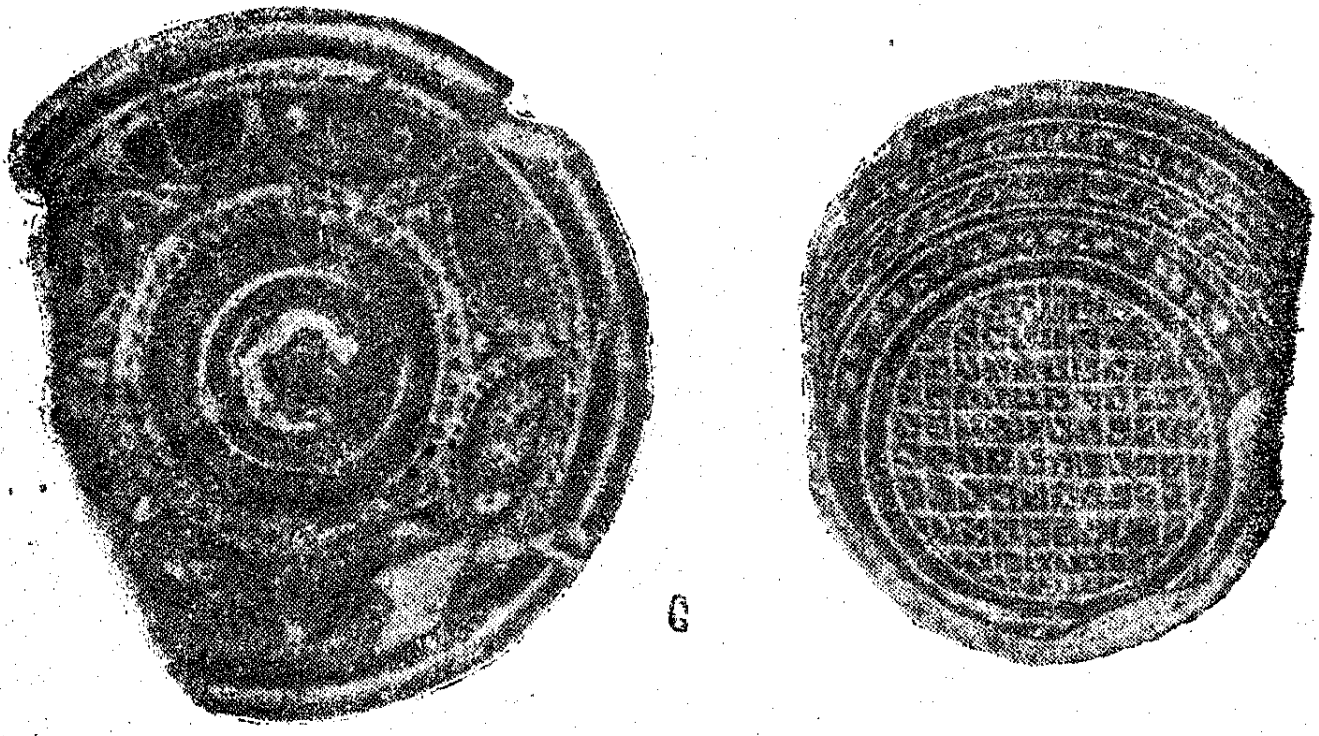
Характерной чертой указанных слоев является и тот факт, что, наряду с появлением с этих горизонтов «согдийской» керамики, начинают встречаться и тюргешские монеты, о которых речь была выше. Так как последние могли появиться в промежуток времени с 704 до 766 гг., то следовательно их первоначальное и наиболее глубокое залегание соответственно связано с материальными остатками жизни населения VIII вв. Этими монетами и датируется, в частности, верхняя хронологическая граница слоя. Верхняя потому, что значительная и наиболее глубинная часть этого же слоя связана типологически с предшествующими слоями, как правило, без монетных находок, тем более тюргешских. К этой же эпохе

---

92 О сфероконусах литература велика. Есть точки зрения, что они служили для перевозки драгоценных жидкостей, масел, ртути (против сифилиса), сравнительно много сторонников теории, что это «бомбы» — «греческий огонь». Описание их см. у А. Арциховского, Введение в археологию, Москва, 1940 г.

а

б

а — Копилки из слоя IV — V вв.
в — Блюдо светлозеленой поливы XI — XII вв.

относится подъемный материал с городищ, расположенных в зоне Таласской долины, в частности, такие тепе как: Марджан, Машанай и др. около горного кряжа Кичкене-Бурул-Тау, городища на территории колхоза им. Молотова в 40 клм к северо-востоку от г. Джамбула; замки, развалины которых были встречены нами около урочища Аулие Бастау (к северу от Куюкского перевала, на территории подсобного хозяйства, колхоза «Большевик») и, повидимому, еще ряд городищ и мест поселений, точная датировка которых еще для нас не вполне ясна.

Из перечисленных выше фактов следует ряд важных выводов. Прежде всего явно более широкое распространение культурных остатков этого времени по сравнению с предшествующими слоями, например, в Таразе, где находки этого времени явление не исключительное. Существенное значение имеет также и факт увеличения мест поселений этой эпохи, охватывающих, по существу, всю Таласскую долину. Несомненно, что в VI — VIII вв. н. э. Таласская долина была уже в основном вся заселена и, вероятно, все известные ныне развалины мест поселений возникли в эту эпоху. Не случайно, что Сюань-цзан указывает, что к западу от Суяба находятся десятки изолированных городов «находящихся под управлением начальников, друг от друга не зависимых, но подвластных тюркам»[93]. Всю эту страну Сюань-цзан называет страной Сули (китайская транскрипция термина Согд — Согдиана)[94]. Сюань-цзан указывает, что в стране все пользуются письменностью, состоящей из 32 знаков, которыми пишут сверху вниз. Несомненно, что здесь речь идет о согдийском алфавите, который затем перешел к тюркам и известен под названием уйгурского. Уйгуры затем познакомили с ним монголов, передавших в свою очередь его манчжурам[95]. Наличие этого алфавита в Семиречье подтверждено было нашими раскопками 1938 года, когда был найден сосуд с трехстрочной сирийской надписью, а также этот алфавит наличествует и на тюргешских монетах. Факт наличия согдийского населения в этом районе был отмечен выше, название же Сюань-цзан'ом всей местности термином Су-ли лишь свидетельствует о крайней этнической насыщенности этой территории согдийцами.

Итак, повторяем, в VI — VIII вв. лицо Таласской долины приняло вполне законченный и определенный характер в части организации в ней городов и поселений. Несколько трудней говорить о местах обитания кочевников. Последние, как правило, селились у предгорий, около выходов горных ущелий. У выходов горных ущелий обычно расположены, иногда грандиозные по количеству и по размерам насыпей, курганы. Совершенно очевидно, что многие из них относятся к этой эпохе и принадлежат тюркам кочевникам. Правда, подробного и систематического исследования курганов не было, но те немногие данные, которые нам известны,

---

93 Сюань-цзан, ук. соч., стр. 11, текст л. 8б.
94 В. Бартольд, ИРАН, т. I, стр. 30 и сл.
95 В. Бартольд, ук. соч., стр. 37, см. ЗВО, VIII, 3.

дают основания для этого суждения. К этой эпохе относятся вероятно курганы Джеты Тепе в 15 клм к востоку от г. Джамбула; курганник к югу ж.-д. ст. Ак Чулак, около ущелья Кызыл-Кайнар; курганы в 10 клм к югу от с. Подгорное (Кум-Арык) и ряд других. К сожалению все эти курганы сильно ограблены еще в древности и трудно указать точно время, когда они были насыпаны. Следует отметить, что по своему содержанию они разделяются на два типа захоронения — ямные грунтовые погребения с ориентацией юг—север, иногда обложенные и перекрытые каменными плитами с трупоположением (тип могильника у Акыр-Таша) и большие насыпные курганы типа Джеты Тепе с трупосожжением, один из которых еще в конце XIX в. был раскопан местным археологом Калем [96]. Обряд трупосожжения был известен среди погребальных ритуалов древних тюрок, а китайская летопись сожжение прямо связывает с погребением знати [97]. Возможно, что большие курганы этого периода являются погребениями тюркской знати и, как правило, кроме пепла сожженного, больше ничего не содержат. В верховьях Таласа и в Чуйской долине известны еще захоронения под курганной насыпью в склепах, сложенных из сырцовых кирпичей. Были высказаны предположения о принадлежности их к времени VII — X вв., но достаточной аргументации в защиту высказанной догадки приведено не было. Курганы с каменной насыпью и ямными погребениями в верховьях Таласа явно принадлежат древним тюркам.

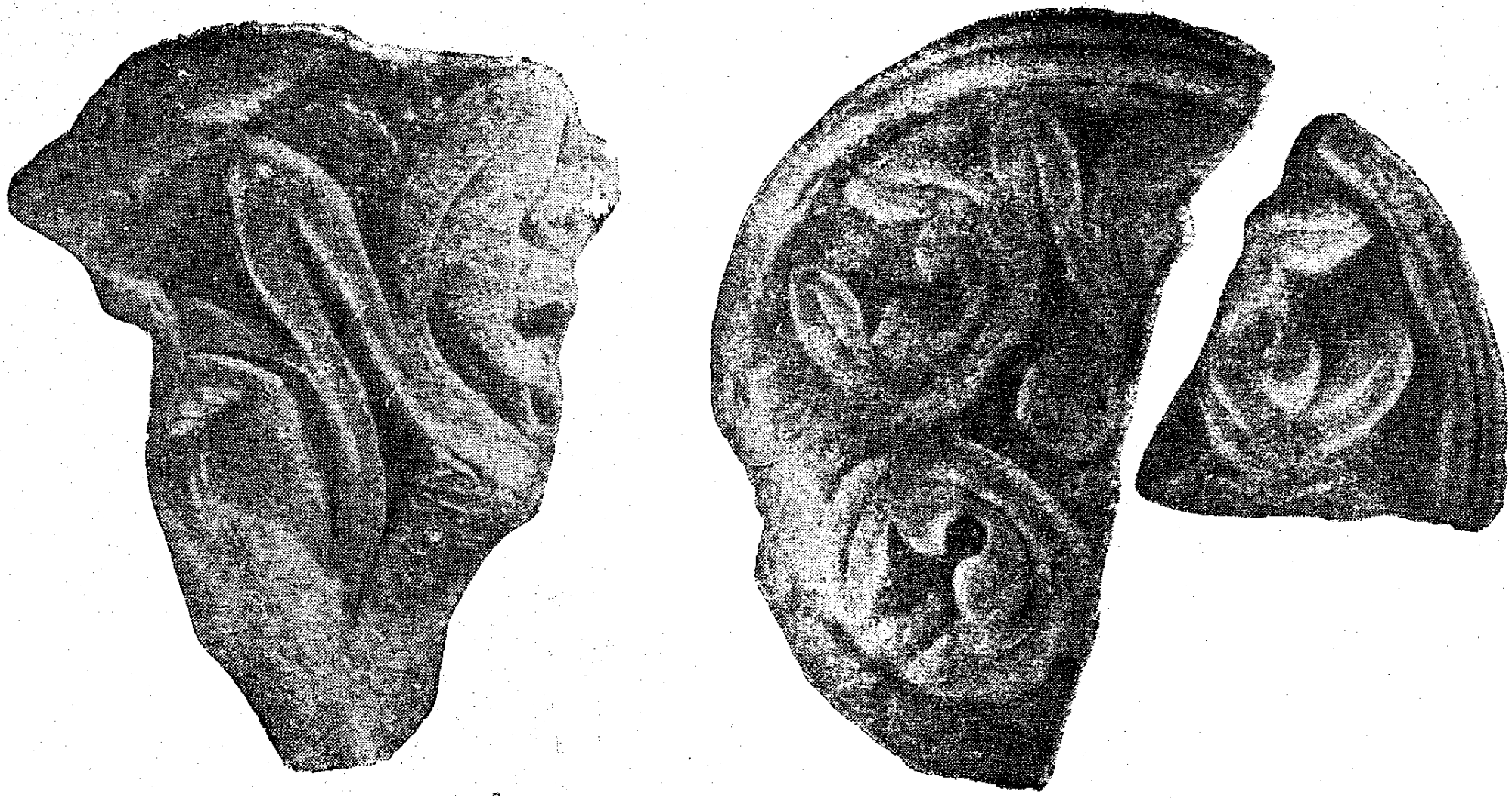
Весьма интересна локализация кочевнических могильников. Они совершенно почти отсутствуют в самой Таласской долине и находятся, как правило, в «перегонах» между городами, непосредственно у горных ущелий, за пределами Таласской долины в узком смысле этого слова. Судя по этнографическому материалу, места погребений у кочевников обычно располагались недалеко от их зимовок. Можно поэтому предполагать, что могильники указывают следы местопребывания кочевников, их стоянок. Ближайшие к Таласской долине курганы Джеты Тепе, мы бы сказали, наиболее крупные около Таласа, к северу от этой группы город Кош Тюбе, в нижних слоях которого (третьем и четвертом) были обнаружены следы кочевников тюрок. Грандиозные размеры насыпей, обряд трупосожжения, свойственный тюркской знати, дают основание предполагать, что курганник Джеты Тепе принадлежит весьма владетельному тюркскому кочевому роду, имевшему власть над какой-то частью поселений Таласской долины.

Ко времени VI — VIII вв. в Таласской долине не только закончилось ее максимальное заселение, но и сложился тип городского и сельского поселения со всеми его характерными чертами, про-

---

[96] См. Отчет Археологической Комиссии, 1890.

[97] Суй-Шу, гл. 84. Об этом обряде см. В. Бартольд, К вопросу о погребальных обрядах тюрков и монголов, ЗВО, т. XXV. Из более поздних работ следует учесть статьи Kotwicz'a и Jaworsky в Rocnik Orientalisticny за 20—30-е годы XX в.

Архитектурные налепы VII — VIII вв.

должающимися через всю историю города и деревни Средней Азии. О том, что тип города сложился в досаманидскую эпоху, до IX — X вв., говорят в частности поселения на территории колхоза им. Молотова в западной части Таласской долины. Здесь были обнаружены два поселения, стоящие недалеко друг от друга. Местным населением они называются турткулями, на карте же они показаны под названием Кок-Тюбе. Поселения оказались связанными с целой серией мелких бугров, в которых были обнаружены следы человеческого жилья. Подъемный материал (керамика) на всех участках городищ показал определенное культурное единство, выраженное в общности технических приемов, орнаментики, ее техники и сюжета. Эта керамика тесно связана с керамикой нижних горизонтов четвертого слоя Тараза и в основном относится к VI—VII вв., хотя были более поздние образцы, не младше, однако, X в. Поливы почти нет. Мелкие найденные фрагменты поливы дают ранний тип — светлозеленую поливу с подглазурным резным орнаментом по ангобу, растительного содержания. Обнаруженные поселения оказались обведенными валом, проходящим на большом расстоянии с западной и юго-западной сторон городищ. Обследование всей западной части Таласской долины, там где она связана с долиной р. Асса, показало, что описанные поселения являются единственными поселениями городского типа. Это обстоятельство позволяет выдвинуть предположение, что встреченные нами развалины являются городом Дох Нуджикес, упоминаемым арабским географом конца X в. Макдиси. Дох Нуджикес по описанию Макдиси ближайший с запада город к Таразу. О нем Макдиси сообщает: «Дох Нуджикес маленький город, в нем рынок три месяца весной, мясо без костей (продается) по четыре мена за диргем. Он был большим городом, но когда Исмаил ибн Ахмед завоевал этот округ, он опустел. Вместе с тем в нем много построек, он укреплен и имеет цитадель». С этим описанием Макдиси согласуется указание Ибн ал-Факыха (автор начала IX в.), который писал: «Мы опросили его о дороге к кимакам от Тараза и он рассказал, что дорога (идет) налево от Тараза к более благоустроенным и населенным селениям в местности, которую называют Кавакиб. Расстояние их от Тараза 7 фарсахов. От этой местности до царя кимаков 80 дней пути для всадника, едущего быстро, который везет с собой провизию».

Рассказ Ибн ал-Факыха дает основания связывать встреченные нами поселения с местностью Кавакиб. Вторым селением в этой местности мог быть Адахкес, упоминаемый Макдиси рядом с Дох Нуджикесом, ал-Факых пишет, что положение местности Кавакиб «налево от Тараза». Так как он говорит в этом случае о дороге к кимакам, жившим к северу от Тараза, то повидимому он имеет в виду «налево» от пути к кимакам, обращаясь лицом к этой дороге. В таком случае «налево от Тараза» будет в западном направлении, что целиком соответствует направлению дороги от Тараза к этим поселениям. Далее расстояние местности Кавакиб

от Тараза в 7 фарсахах, т. е. примерно 35 — 40 клм, что также целиком соответствует расстоянию развалин от города Джамбула.

К западу от Тараза по караванной дороге обычно отмечают пустынность оазиса и из городов арабские географы упоминают только город Джувикат. Последний отстоял от Тараза в 2-х фарсахах к западу. Джувикату в этом случае соответствуют развалины Бек-Тюбе в 16-18 клм к западу от Тараза. Городом же Джувикатом описанные развалины на территории колхоза им. Молотова быть не могут, т. к. Джувикат стоял на караванной дороге, (чему соответствуют развалины Бек-Тюбе), а развалины Дох Нуджикеса и Адахкеса отстоят от нее слишком далеко и кроме того отделены сравнительно большой горной цепью Улькун-Бурул-Тау.

Любопытно также указание Макдиси о том, что Дох Нуджикес был завоеван Исмаил ибн Ахмедом в 893 — 894 гг. н. э. В результате этого разгрома город почти перестал существовать, чем и объясняется тот факт, что керамический материал относится в основной массе к досаманидскому периоду. Осмотренные развалины стоят на границе земледельческого оазиса и старого района кочевников. Резко меняется и географическая среда: маловоды, появляются пески, слабая летняя растительность. Отмеченные на карте бугры, которые в восточной части Таласской долины, как правило, были остатками старых поселений, здесь оказались отрогами песчаных увалов естественного происхождения. К таковым принадлежит основная масса бугров, обследованная нами от колхоза им. Молотова через поселок Урал (на берегу оз. Бийли-Куль) до ур. Кара Бастау. Исключение составляют бугры на территории колхоза Урнэк, отмеченные на карте под названием «Турткуль», которые оказались сарматского типа стоянкой, выше нами описанной.

Как следует из анализа развалин на территории колхоза им. Молотова, они являются досаманидскими постройками. Однако на них можно ясно проследить составные части городского поселения. Среднеазиатский город, в том числе и семиреченский, слагался из следующих частей [98]. Наиболее старой частью города была цитадель, замок владетельной особы и первоначальная крепость поселения. Эта цитадель под названием а р к или к у х е н д и з составляет в развалинах городов ее наиболее высокую и мощную своими стенами и укреплениями часть. Как правило, такая цитадель стоит внутри замкнутой стенами площади, примыкая к одной из ее сторон. План площади чаще всего четырехугольный или приближаю-

---

98 О среднеазиатских поселениях см. у В. Бартольда, История культурной жизни Туркестана, Лгр. 1927, стр. 26 и сл. Истории среднеазиатского города посвящен ряд работ А. Якубовского, «Городище Миздахкан», ЗВК, V, его же, «Развалины Сыгнака (Сугнака)», Сообщения ГАИМК, т. II, 1929 г., его же, «Развалины Ургенча», Известия ГАИМК, т. VI, в. II, Лгр., 1930 и другие, в которых дается первая попытка трактовки среднеазиатских городов с марксистских позиций. Об особенностях Илийских городищ см. нашу статью в Известиях КФАН, № 2.

щейся к четырехугольнику формы. Ограниченная валом площадь и является территорией города в узком смысле этого слова, т. е. шахристаном или мединой. За ее пределами непосредственно к стенам примыкают рабады, торгово-ремесленные предместья. Иногда рабады обносятся вторым рядом стен и в зависимости от роста города количество стенных поясов все увеличивается. Такова общая картина составных частей города. Все эти составные части были прослежены в городищах Дох Нуджикес и Адаххес, где имели место цитадели, шахристан и рабад, как мы указали выше, еще в досаманидскую эпоху. В частности рабад отмечен находками большого количества шлака — отбросов керамического производства, бывшего там, судя по выбросам, весьма значительного масштаба.

Однако, город не был одинок и находился в пределах большого социально-экономического комплекса. Нарушая несколько хронологическую последовательность изложения, отметим эти составные части комплекса в условиях Тараза.

Город Тараз, как об этом свидетельствует Ибн Хаукаль, окружают небольшие крепости — хисны, защищающие город от внешних врагов. Обычно эти хисны мало чем отличаются от тепе — замков — разве только большими размерами и примыкающими к ним укрепленными площадками. Защитой города и скорей всего оазиса являются крепости с гарнизонами, поставляемыми населенными местностями. Такие крепости с военными гарнизонами назывались рибатами или рабатами. Они представлены в Таласской долине многочисленными турткулями несколько особого типа. Это четырехугольное в плане строение, ориентированное по странам света с длиной сторон до 300 — 350 м. Стены укреплены башнями, въезд в ворота также сильно укреплен башнями, фланкирующими подходы к ним. Резко бросаются в глаза фортификационная продуманность плана, топография развалин и укрепления стен. Культурный слой в таких развалинах невелик, однообразен и не дает ярких образцов богатой керамики и предметов вообще. В Таласе серия таких рибатов прослежена в северо-восточном углу долины на протяжении от с. Шаповаловка (колхоз им. Буденного) вниз по Таласу до урочища Андрейтал, где расположена крепость Оххум. На этом участке зафиксированы три таких крепости на одинаковом расстоянии друг от друга (10 — 15 клм). Все крепости стоят на границе оазиса со степью — песками, ограждая земледельческое население от набегов кочевников.

Территория оазиса занята была еще тремя типами сооружений. Во-первых, малыми турткулями, также четырехугольной формы, с длиной сторон до 100 м, ориентированными по странам света. Турткули расположены по древним дорогам и представляют собой укрепленные каравансараи. В таких турткулях стена образуется четырехугольным планом расположения построек. Так, например, у самого Тараза при выезде из города на запад имеется такой турткуль на землях колхоза им. Первого Мая. Аналогичной функции турт-

кули у селений — Молдыбай, Муньке и мн. др. Во-вторых, тепе, отличающиеся своей характерной формой, — это высокие холмы, результаты разрушенных замков к е ш к о в, с дворовыми укрепленными постройками в виде высокоподнятых площадок. Культурный слой чрезвычайно велик и изобилует богатыми в историко-культурном отношении находками. Такого типа замок исследовался нашей экспедицией 1936 г. и расположен он в 1 клм к югу от поселка Ново-Ивановка. Ныне эти развалины именуются Чуль Тепе (подробней о них будет сказано ниже). По своему внешнему виду такие тепе имеют характер цитадели любого типичного городища. К таким замкам мы относим в Таласской долине, например, Тас-Тепе, Аулие-Бастау тепе и др.

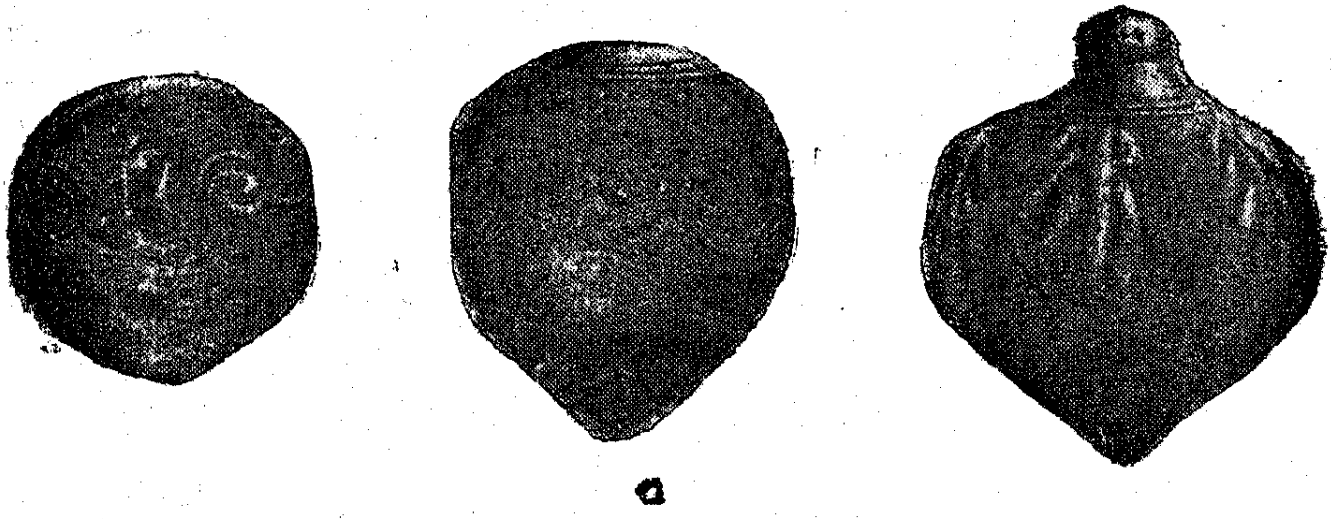
Третьим типом поселения являются бесцитадельные городища, иногда без ярко выраженного вала, в виде более или менее поднимающихся над поверхностью площадок — круглой или четырехугольной формы в плане. Такого типа холмы, в значительном количестве зарегистрированные в Таласской долине, составляют остатки древних с е л ь с к и х мест поселений—р у с т а к о в[99]. При сравнительно большом культурном слое, выражающемся в обильном подъемном материале, бросается в глаза серость и однообразие находок керамики, слабо орнаментированной, с малым присутствием поливы, зачастую плохого качества; одним словом нет той яркости и богатства находок, который обнаруживается в культурных слоях тех тепе, которые мы определяем как замки. Отметим, что уже в эту эпоху возникают кладбища древнего Тараза. Так на территории городского сада, к западу от шахристана случайно при земляных работах были вскрыты урны с сожженными костями — погребения зороастрийцев. К югу от рабада и к юго-востоку, на горе Тиктурмас, было расположено кладбище зороастрийцев. Здесь неоднократно находили овальные в плане, подражающие юртам оссуарии, специально изготовлявшиеся на потребу кочевникам [100].

Такова в грубых чертах архитектоника поселений Таласской долины, получившая свое законченное лицо несколько позднее VI—VIII вв. Однако, есть все данные считать (а часть аргументов мы привели выше), что в VI — VIII вв. Таласская долина приобрела свои характерные черты. Да и Тараз, всего вероятней, имел уже цитадель, шахристан и рабад, причем последний, как мы скоро увидим, был уже весьма значительным. Такое развитие поселений в эту эпоху, с переносом центра экономической жизни в округу, усиление и бурный рост сельских поселений и связанных с ними замков, все это, вынудившее к созданию стройной системы укреплений оазиса, знаменует собой переход в условиях Семиречья от рабовладельческой системы производства к возникновению, еще в зачаточных быть может формах, феодальных отношений. Этот пе-

---

99 Рустаком называлась обычно совокупность сельских поселений типа «волости».

100 См. В. Б а р т о л ь д, К вопросу об оссуариях Туркестанского края, Известия РКИСВА, № 8, стр. 54.

а— Сфероконусы из III культурного слоя
в— Архитектурные налепы VII — VIII вв.

релом, вызванный внутренним ростом производительных сил, ускоренный ролью кочевников-тюрок, китайским влиянием и арабским завоеванием, повлек к изменению физиономии всего оазиса, к появлению нового типа поселений, с новыми культурными отложениями. Явления перехода, начало которого относится к VI — VIII вв., закрепляются в последующую эпоху, находят свое яркое выражение в археологическом материале и хронологически соответствуют новому периоду в Средней Азии IX — X вв. — саманидскому, названному по имени среднеазиатской династии, правившей в IX—X вв. в Бухаре. Характерной чертой этого нового периода является фактическое закрепление начатого в VI — VIII вв. процесса с той лишь разницей, что при Саманидах не удастся еще перебороть тенденции городского «полисного» строя, столь характерного для рабовладельческого способа производства [101]. Не случайно, что наиболее осведомленные арабские авторы IX — X вв., например, Макдиси перечисляют в Семиречье еще десятки городов, забивая читателя своими перечнями городских мест поселений для Таразского и Исфиджабского округов. Перенос центра тяжести из города в деревню завершился позднее. В караханидскую эпоху XI — XII вв. многие города исчезли, верней они растворились в массе сельских поселений, и у такого знатока края, как Махмуд Кашгарский, отличавшегося исключительной добросовестностью и тщательностью перечисления населенных пунктов, выступают на первое место п л е м е н а Таразской округи, а перечень названий городов во много раз меньше аналогичного списка у Макдиси. Это обстоятельство мы рассматриваем, как результат закрепления в караханидскую эпоху феодальных отношений с переносом центра тяжести на сельскую округу, растворением в ней массы мелких, городского типа, поселений, еще известных Макдиси. Города, отличавшиеся своей древней культурой и положением на торговых путях, продолжали свое существование и, наоборот, сконцентрированная в немногих, по сравнению с предшествующим периодом, поселениях городского типа жизнь привела к бурному их росту, способности выносить большие строительные работы по благоустройству города и т. д. За счет сокращения многочисленных «полисов», бытовавших еще при Саманидах, выросли и развились в караханидскую эпоху города, увеличилось влияние этих богатых городов на сельскую округу, эксплоатация которой и была источником благополучия и существования города в караханидскую эпоху [102]

---

101 О рабстве в саманидскую эпоху см. А. Ю. Якубовский. «Махмуд Газневи» (К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства), сборник статей «Фердовси», Лгр. 1934, стр. 59 и сл. Там же см. ссылки на его работы, посвященные рабству в Средней Азии.

102 А. Я к у б о в с к и й в статье: Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X — XV вв. (Труды ИАИ, вып. III, ч. 1), писал — «Сохранившиеся постройки от XI — XII вв являются также прекрасными показателями городской жизни», ук. соч., стр. 27. С этим тезисом полностью согласуются и результаты раскопок в Таразе. О процессе перехода от одного типа расселения к другому, в связи с изменением системы

Было бы неправильно исключать из этого процесса и роль завоеваний тюрок кочевников, стоявших на несравненно более низкой ступени развития, чем жители земледельческих оазисов, в частности того же Тараза. Их частые завоевания задерживали, тормозили развитие городской жизни, вызывали необходимость постройки стен городов, валов, укрепляющих оазисы, и т. п. оборонительных мероприятий. В сокращении объема земледельческих поселений на рубеже X — XI вв. сыграл роль также факт завоевания оазиса кочевниками Караханидами, династия которых происходила из дикого и воинственного племени ягма.

Процесс, только-что набросанный, органически начинается в саманидскую эпоху и материальная культура этого периода является этому подтверждением. К рассмотрению этого периода IX — X вв. на материалах Таласской долины мы и перейдем.

общественных отношений, см. у С. П. Толстова о его наблюдениях на памятниках Хорезмского оазиса, — Археологические работы в Кара-Калпакии, ВДИ, № 3, 1939 г.

ГЛАВА V

КУЛЬТУРА ТАРАЗА В IX — X ВВ.

В конце IX в. Таласская долина входит в состав владений Саманидской династии, объединившей Среднюю Азию. Основатель могущества династии Саманидов Исмаил ибн Ахмед в 893—894 г. н. э. по словам Нершахи (авт. X в.) «пошел войной на Тараз и перенес много трудностей. В конце концов эмир Тараза сдался и с многочисленными дихканами принял ислам. Тараз был взят, большую церковь сделали соборной мечетью»[103]. Выше мы указывали, что этот же завоеватель в Таласской долине покорил город Дох Нуджикес, изрядно его ограбив. В результате тот же Нершахи сообщает, что «Эмир Исмаил пришел в Бухару с большой добычей». Очевидно, что начало саманидского господства для Тараза и во всяком случае для его округи прошло весьма тяжело и было чревато весьма серьезными разрушениями[104].

К саманидскому периоду окончательно складываются города Таласской долины, наиболее полный перечень которых и частичное описание дает Макдиси. Тараз, как и Таласская долина, входят в состав Исфиджабского округа, сохраняющего самостоятельность и автономность в системе Саманидского государства. К городам Таласской долины В. Бартольд относил Тараз, Джикиль, Нижний Барсхан, Бахлу, Атлах, Хамукет, Шельджи, Сус, Куль и Текабкет. Шельджи, Сус, Куль и Текабкет находились к югу от ущелья Большая Капка[105]. Предшествующие им в описании Атлах и Хамукет, вероятно, также находились к югу от Тараза, между ним и упомянутым ущельем. Думаю, что им соответствуют развалины около б. с. Богословское, возможно Уч Курган и Джуван Тепе (вероятно Атлах) около с. Солдатское. С Джикилем мы сопоставляем городище Кош-Тюбе, к югу от которого около современной ст. Уч-Булак (105 разъезд ж. д.) находился город Нижний Басхан,

---

103 Нершахи, История Бухары, стр. 108.
104 В. Бартольд, Туркестан, стр. 268.
105 В. Бартольд, Отчет, стр. 16.

местоположение которого указано было еще давно Каллауром[106]. Неясно для нас местоположение Бехлу, которому могут соответствовать развалины Бешагачского городища[107]. К городам Таласской долины мы относим еще Джувикат на р. Асса (Бек-Тюбе) и неоднократно упоминаемые Дох Нуджикес и Адаххес в местности Кавакиб.

Макдиси дает наиболее полное описание Тараза. Он пишет: «Тараз — большой укрепленный город, с множеством садов и сплошной населенностью; у него ров, четверо ворот и населенный рабад. У ворот большая река, за ней часть города, через нее есть переход. Соборная мечеть среди рынков»[108]. Описание Макдиси целиком согласуется с развалинами в городе Джамбуле, находящимися в центре города и занятыми современным т. н. старым базаром. Тараз, как следует из слов Макдиси, главной своей частью был расположен на левом берегу р. Талас, т. е. так, как расположены джамбулские развалины. Правобережный Тараз не сохранился, ибо р. Талас, имея блуждающее русло, все время отходит на восток и смыла эти развалины города. Остатками бывшего русла р. Таласа являются такие арыки, как арык Копал, который еще теперь во время сильного половодья носит прозвище «Талас калган». Следами старого русла Таласа являются также гравийные толщи, лежащие к востоку от сохранившихся развалин, а остатки культурного слоя правобережного Тараза сохранились в этих гравийных толщах и обнаруживаются при строительных работах (копке котлованов, рытье колодцев и т. п.).

Главные ворота города, говорит Макдиси, были обращены на восток, к реке. Эти ворота наличествуют в современных развалинах, — через них проходит въезд на базар со стороны Промышленной улицы. Экспедицией 1938 г. были произведены зачистки в месте предполагаемых работ и обнаружены следы воротного замка в виде буквы «Г»,—типичный замок ворот для городищ Таласской долины. Уже эти данные говорят за то, что развалины в городе Джамбуле являются развалинами древнего Тараза. За это говорят также 1) местоположение города на древнем караванном пути, 2) мощность и разнообразность культурного слоя, превосходящая все остальные слои городища Таласской долины, и, наконец, 3) размеры городища, также превосходящие все остальные городища, что свидетельствует о столичном характере развалин. С этой аргументацией, особенно в части культурного слоя и его соответствия истории города Тараза, мы будем сталкиваться на всем дальнейшем протяжении очерка. В. Бартольд сомневался в точной локализации города Тараза. Он писал: «Находился ли он (Тараз. — А. Б.) на месте Аулие-Ата (совр. город Джамбул. — А. Б.) или несколько южнее — трудно сказать, во всяком случае его следует поместить к северу от Капкинского

106 ТКЛА, 1897 г.
107 ТКЛА, 1896 г.
108 В. Бартольд, Отчет, стр. 15.

ущелья, так как он всегда упоминается на торговом пути из Семиречья в Мавераннахр (в Исфиджаб и дальше); купцам и в особенности другим путешественникам, вроде Сюань-цана, не было никакого расчета заезжать в долину верхнего Таласа»[109]. Иногда В. Бартольд склонялся принимать за развалины Тараза городище Садыр-Курган к югу от ущелья Большая Капка. Описание Тараза никак не соответствует развалинам Садыр-Кургана и его культурному слою, т. к. в Таразе была правобережная часть города. В районе Садыр-Кургана наличие правобережной части города исключено, ибо здесь русло Таласа идет в коренных скалистых берегах, крутых, почти отвесных, где ни о каком поселении не может быть речи, тем более городском. Городище Тюймакент, на которое возлагались аналогичные надежды[110], также отпадает, т. к. оно расположено на правом берегу р. Талас, а культурный слой не содержит никаких признаков городских развалин типа Тараза. Археологические исследования 1936 — 39 гг., охватившие всю Таласскую долину и поднявшие культурные слои всех выдающихся развалин, раскопки в городе Джамбуле, — все это с несомненностью доказало, что город Тараз строго локализуется с развалинами в городе Джамбуле.

Стены древнего Тараза разрушены, небольшие следы их — остались. Северная стена, совершенно почти разрушенная, является основанием тротуара Коммунистической улицы. Следы западной стены еще и сейчас заметны и идут параллельно арыку, перпендикулярно Коммунистической улице. Восточная стена не сохранилась, она разрушена примыкающими к развалинам современными постройками; такое же положение с юго-западным участком. Юго-восточная часть разрушена, но следы стен (глинобитных) были нащупаны раскопом экспедиции 1938 г. Рабад Тараза занимал, повидимому, территорию к югу от шахристана, ныне всю находящуюся под современными постройками старой части города. Многочисленные находки при строительных работах в разных местах свидетельствуют о его больших размерах. Многочисленные сады — «баги», коими был характерен Тараз, имели свои постройки. Такие отдельные постройки зарегистрированы экспедицией на ул. Молотова и Пушкинской. Здесь обнаруживаются вещи, главным образом, керамика саманидской и караханидской эпох. Развалины постройки на ул. Молотова датируются случайной находкой — гирей саманидской поры. Дальнейшие наблюдения над случайными находками в городе Джамбуле дадут более ясное представление об окраинах древнего Тараза. Округа Тараза в большем масштабе (в частности сельские поселения — рустаки, замки—кешки, рибаты) была выше охарактеризована.

Характерной чертой культурного слоя этой эпохи является прежде всего почти господствующее положение поливной посуды

---

109 В. Бартольд, Отчет, стр. 16.
110 Schuyler, Turkistan, London, 1876, 11, 121,

и богатая орнаментация неполивной. Если в нижних горизонтах четвертого слоя полива встречалась спорадически и составляла сравнительно небольшое количество в удельном весе фрагментов керамики, то здесь, в средних и высших горизонтах, количество поливной керамики весьма велико.

Полива белая, светлозеленая, желтая. Помимо более раннего, подглазурного прорезного орнамента, появляется в большем, чем раньше, количестве подглазурная роспись по ангобу разнообразными красками. Весьма характерны темные тона росписи, темнокоричневой и черной краской по белому ангобу под светлой поливой. Кроме того, сохраняются желтые и зеленые тона сплошного покрытия с темными подглазурными росписями и сплошная красная роспись. Сюжет орнамента растительный, приобретающий все больше и больше геометризированные формы, заключающиеся в симметричном делении украшаемой плоскости блюд, симметричном расположении и трактовке самого рисунка. Существенное значение в орнаменте занимают надписи, представляющие собой более или менее стилизованные изречения коранического типа. На блюдах, кесах и пиалах буквенный орнамент располагается обычно по бортику сосуда. На мелких сосудах типа пиал широко распространен точечный орнамент. Разнообразно украшается внутренняя поверхность доньев блюд и кес плетенкой, вихревой розеткой и т. п. Полива свинцовая, иногда с примесью медных окислов и охры (железистых окисей). Среди поливных предметов из глины появляются чираги, той же глазурной обливки, иногда с точечным орнаментом, с петлеобразной ручкой. Среди неполивной керамики обращает внимание повышение удельного веса лощения наружной поверхности, господство лепки сосудов на гончарном кругу, ангобирование (преимущественно белым ангобом). Возрастает количество типов сосудов по форме и функции, а соответственно этому среди фрагментов керамики больше находится разнообразных частей и форм, в частности ручек. Все антропоморфные черты орнамента или, например, ручек в виде стилизованного изображения зверей исчезают, заменяясь лишь символическими штрихами и т. п. намеками, пережиточно напоминая о былых формах. Так например, изображения в виде барана на ручке сосуда превращаются в штрих или небольшую нашлепку на ручке. Ручная лепка сохраняется для крупных сосудов. Космогонические сюжеты (эмблемы солнца), отмеченные для нижних горизонтов четвертого слоя, здесь продолжают свое существование. Выдерживается деление керамики и в том отношении, что полива сохраняется для парадной посуды, а массовая бытовая посуда остается неполивной.

Подражание в орнаментике неполивной посуды сасанидскому орнаменту вызвано, по нашему мнению, спецификой Саманидского государства, усвоившего и воскресившего в известной мере традиции Сасанидского Ирана[111] Последний, в известной части, был за-

---

111 По этому вопросу см. напр., вышеупомянутый сборник «Фердовси», и

конодателем культурных навыков саманидских правителей, выражавших интересы части крупного дихканства, органически связанного по своему происхождению и положению с предшествующим ему дихканством Ирана III—VII вв. Мы склонны ко времени IX—X вв. относить и находки предметов зороастрийского культа, обнаруженного на Тиктурмасе и в городе Аулие-Ата еще в конце XIX в. Некоторые оссуарии по форме сделаны в виде кибитки, говорят о приспособлении предметов культа к навыкам кочевников. Повидимому к этому же времени относятся и этими же причинами вызваны были к жизни самаркандские и каттакурганские находки оссуариев. Свидетельств о зороастрийском культе для этой эпохи у мусульманских авторов вполне достаточно[112]. С другой стороны, резко дал себя знать и ислам, отразившийся в памятниках материальной культуры в изгнании изображений всего живого и заменой мертвым геометрическим и буквенным орнаментом. Не случайно первым мероприятием Исмаил ибн Ахмеда было превращение бывшей церкви в мечеть. Местоположение этой мечети удалось установить. Жители г. Джамбула указали место, где долгое время добывали кирпич старой постройки. Произведенной в этом месте раскопкой было установлено, что на указанном месте была какая-то большая постройка. Характерно, что среди находок огромное количество занимают чираги, бывшие в употреблении, говорящие о культовом характере бывшей здесь постройки. До недавнего прошлого приходящие в мечеть молящиеся приносили с собой чираги, ставя их в особые приспособления у входа. Здесь же найдены были глиняные копилки, вероятно для сбора налога в пользу бедных (закят), собираемого мечетью, или просто для пожертвований в пользу мечети. Найденные здесь чираги типично саманидского времени. В четвертом слое Тараза впервые начали попадаться находки мусульманского типа монет. Таким образом Тараз саманидского периода имеет весьма ярко выраженное лицо в культурном отношении, а его составные части целиком и полностью согласуются с теми сведениями, которыми мы располагаем в письменных источниках. Таразская культура саманидского периода прослеживается и далеко за его пределами, по всей Таласской долине, над которой он господствовал политически и экономически. Тараз в это время становится также одним из крупнейших торговых центров мусульманского Востока, имеющим особое специфическое значение. Ибн Русте (X в.) называет его «городом купцов», Ибн Хаукаль (последняя четверть X в.) пишет, что «Тараз — место торговли мусульман с тюрками, между ними (Сюткендом и Таразом) крепости, относящиеся к нему, его (Тараз) не проходит никто из (страны) Ислама, потому что тот, кто пройдет его, входит в шатры (т. е. кочевья) карлуков»... Упомянутый Макдиси, описывая достопримечательные товары каждого города,

---

в частности, помещенную в нем статью К. Тревер. «Сасанидский Иран в Шах-намэ».

112 См. по этому поводу литературу, указанную выше.

указывает, что Тараз славится козьей шерстью. Между прочим, среди других остатков костей животных было обнаружено сравнительно большое количество костей козы (Capra Hircus). По указаниям палеозоологов (В. Карачаровского), коза отличалась какими-то своеобразными качествами: либо молочностью, либо шерстью. На основании указания Макдиси таразские козы славились шерстью, составлявшей, повидимому, весьма доходную часть таразского экспорта. О богатой округе Тараза свидетельствует и Кудама (авт. X в.)[113], отмечая пастбища и населенные места от Джувиката до Тараза. Аноним рукописи Худуд-ал-Алем (X в.)[114] отмечает смешанность населения Тараза — в нем живут тюрки и мусульмане. Большое торговое значение Тараза, тесная связь его со своей сельской округой и значение его как форпоста мусульманского мира среди кочевников тюрок, делают его весьма сильным и нужным городом. В свою очередь Тараз играет огромную роль в приобщении к исламской культуре кочевников, его окружающих. В первую очередь такими кочевниками были карлуки, которые, как это выше было показано, с 766 г. господствуют в среде тюркских племен Семиречья. Роль Тараза нельзя не признать весьма значительной потому, что она подготовляет тюрок, особенно знать кочевников (имеющих благодаря торговым связям и даже жизни в городе, о чем свидетельствует рукопись Худуд-ал-Алем, сильное соприкосновение с исламской культурой), к переходу к городской жизни, к принятию ислама. Поэтому не должно быть удивительным, что если в VIII веке, как сообщает Якут (авт. XIII в.), тюрки еще на приглашение принять ислам отвечали «что нет среди этих (тюрок. — А. Б.) ни цырюльников, ни кузнецов, ни портных, если они сделаются мусульманами и будут следовать предписаниям ислама, то откуда же они добудут себе средства к жизни?»[115], то в XI — XII вв. в эпоху тюркской, Караханидской династии, последние были чуть-ли не наиболее ревностными стражами ислама[116].

И не случайно, что в тюркском лексиконе XI века, в сочинении Махмуда Кашгарского тюркские термины ремесленного производства уже не единичное явление[117], а в сочинении Кудатгу Билиг, также XI века (написано для тюрок на уйгурском языке), в нравоучениях о лучшем управлении государством, статьи о ремесленниках и городской жизни вообще занимают весьма значительное место[118]. Если таким образом сопоставить отношение тюрок к городской жизни, к исламу, VIII и XI вв., то нетрудно наблюсти существенную разницу.

---

[113] B. G. A., т. VI, стр. 155 и сл.

[114] V. Minoresky, Hudud al-'Alâm, E. J. W. Gibb Memorial Series, New Series, XI, London, 1937.

[115] В. Бартольд, ЗВО, VIII, стр. 9.

[116] А. Якубовский, Феодальное общество Средней Азии..., стр. 30 и сл.

[117] C. Brockelmann, Mitteltürkischer Wortschatz, Bibliotheka Orientalis Hungarica, I, стр. 202.

[118] W. Radloff, Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass Hadschib aus Bälasagun II.

Таким образом, естественно, на IX — X вв., т. е. на саманидскую эпоху падает период особенного втягивания тюрок кочевников всеми возможными путями в городскую жизнь, ассимиляция иранского, согдийского населения тюркским населением, внесение в их культуру ислама со всеми его аттрибутами. Несомненно, что этот процесс был также связан с постепенным переходом экономической жизни в сельскую округу с феодализацией основ производства, и, в связи с этим, втягиванием последней, в частности кочевников, в систему городской жизни. Вполне понятно, что в этом вполне закономерном процессе роль Тараза не может быть преувеличена уже по тому факту, что он был не просто связан с сельским населением, но стал в саманидскую эпоху IX — X вв. форпостом ислама в среде тюркского кочевого мира, в первую очередь среди карлуков. Последние, как известно, составили основную живую силу войск основателей Караханидской династии. Подготовленные саманидской эпохой интерес и тяга их к городской жизни неизбежно привели эту массу кочевников-карлуков и других тюркских племен к поддержке и защите ислама, как мощного идеологического орудия господствующих классов Средней Азии. Вот почему в Семиречье, равно как и в Таразе, эта мусульманская культура в XI — XII вв. не ослабевает, и городская жизнь, вместо упадка, наоборот, получает свой наибольший расцвет. Слишком хорошо и долго подготовлялись массы завоевателей, выдвинувшие в XI—XII вв. новую тюркского происхождения династию Караханидов.

ГЛАВА VI

РАСЦВЕТ ГОРОДА ТАРАЗА В XI — XII ВВ.

Эпоха XI — XII вв. в Таласской долине и в Таразе оставила значительное количество памятников материальной культуры. В гибели Саманидской династии и возникновении Караханидской Тараз играет свою роль и неоднократно упоминается в исторических и географических сочинениях. Так еще в 922 — 923 годах в Таразе искал убежище некий Мухаммед ибн-ал-Хусеин ибн Мут, который вместе с тюркскими войсками поддержал восставшего Саманида Ильяс ибн Исхака против Насра ибн Ахмеда, саманидского правителя, жившего в Бухаре (913 — 942 гг.). Сообщение об этом восстании находится у Ибн ал-Асира (конец первой четверти XIII в.) и комментировано В. Бартольдом: «Восстание, поднятое в 922 г. в Фергане Ильясом б. Исхаком, легко было подавлено, благодаря искусству посланного против мятежников Абу Амира Мухаммеда б. Асада, который с незначительным отрядом (2500 человек) устроил засаду войску Ильяса и рассеял его силы; число последних будто бы доходило до 30000 человек. Главный сподвижник Ильяса Мухаммед б. Хуссейн б. Мут (возможно исфиджабский владетель) бежал в Тараз, где по желанию бухарского правительства был убит местным дихканом»[119].

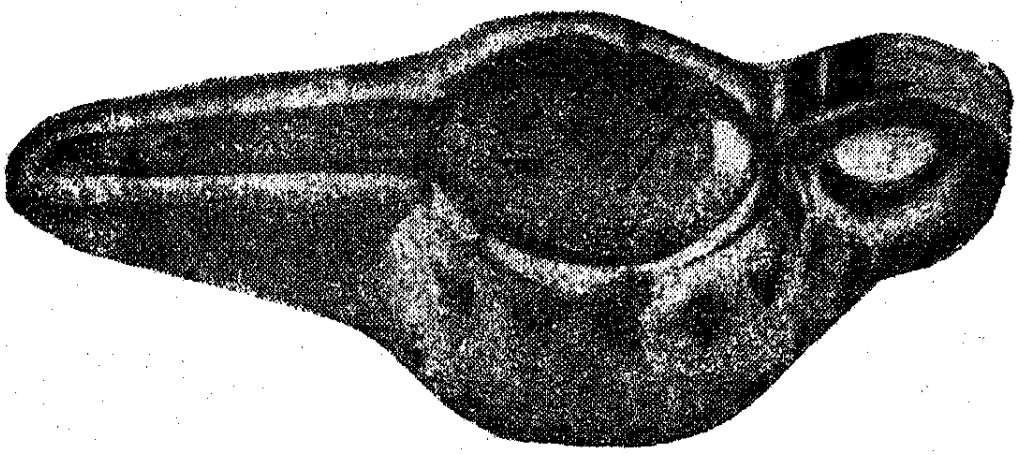
В этом историческом эпизоде характерна двойственная социально-экономическая природа Тараза и его округи. Из среды тюрок восставшие черпают силы для борьбы с Саманидами и у них же в тылу союзники саманидского правительства — дихканство. Известно, что это были последние годы существования дихкан—знати, теснейшим образом связанной с рабовладельческим укладом в Средней Азии. Уже при Караханидах исчезает сам термин «дихкан», как синоним крупного землевладельца, очевидно с падением их роли в общественном строе Средней Азии после X в.[120]. В начале X в. они, как это видно по историческим данным, не только существуют, но и принимают весьма реальное участие в политической борьбе Средней Азии, характеризующей становление нового типа отношений.

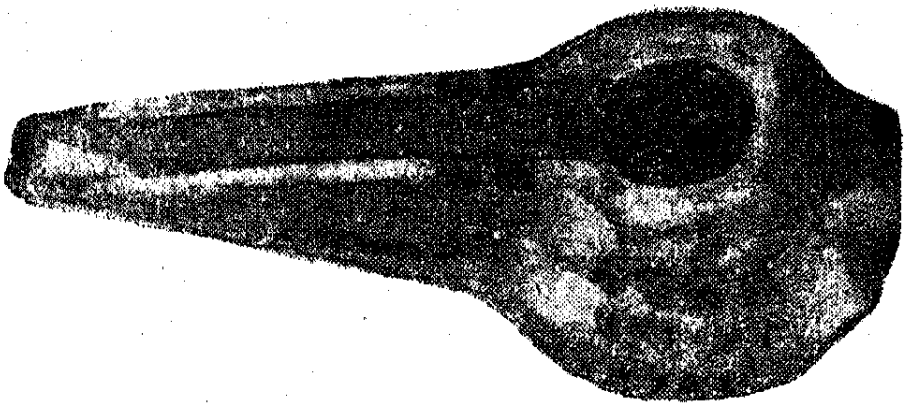
Централизованное государство Саманидов в конце X в. получает

---

119 В. Бартольд, Туркестан, стр. 252.

120 О сходстве дихкан с греческими базилевсами, см. В. Бартольд, Не-

а

б

а — Лампы-чираки X — XI вв. *б* — Чаша «кеса» зеленой поливы VII — VIII вв.

ряд серьезных поражений со стороны Караханидов, в 992—999 году Бухарой овладевает создатель династии Караханидов Богра-хан, в 999 году династия Саманидов прекращает свое существование. Вместо централизованного государства, Средняя Азия разбивается на ряд уделов. Сын Кадыр-хана, Богра-хан в 1032 г. получает от отца в удел Тараз и Исфиджаб [121]. До этого Тараз был включен в удел Мавераннахра и правил им брат Кадыр-хана Мухаммед б. Али, чеканивший свою монету, 1013 — 1014 гг. н. э. [122]. Богра-хан был титулом второго сына Кадыр-хана, а именовался он Йиган-тегин Мухаммед. Все завоеванные земли были разбиты на уделы. Вот как говорит Ибн-ал-Асир о событиях 1043 — 44 гг.: «Владетелем Баласагуна и страны тюрок был Шереф-ад-Даула, в нем была религиозность и удовлетворялся от своих братьев и родичей подчинением. Он разделил между ними города и дал брату своему Арслан-тегину много городов тюрок, дал брату своему Богра-хану Тараз и Исфиджаб, дал дяде своему Тога-хану Фергану целиком, дал сыну Али-тегину Бухару, Самарканд и прочее и удовлетворился сам Баласагуном и Кашгаром». Эта удельная система, в противоположность централизованной системе Саманидов, является не просто сменой политических принципов в организации государственного аппарата, а была вызвана вызреванием классических форм феодального строя.

Политическая самостоятельность Тараза и автономность округа не могла не сказаться на развитии экономики и культуры. Не случайно, что эта автономность служит основанием к чеканке таразских монет при Тамгач-хан Хасане, середина XII века [123]. Вообще Тараз переходил из рук в руки и в числе его правителей, помимо указанных, числится еще Туган-хан (начало XI в.), как владетель Тараза. Значение и мощь Тараза при нем были настолько велики, что он способен был выступить против Махмуд-хана, владевшего тогда Самаркандом, и временно смог овладеть его (Махмуда) царством. Такая же участь постигла Кашгар, который был 15 месяцев под властью Кадыр-хана, владетеля Таразского. Уже из этих фактов становится ясным, что Тараз был весьма силен политически, поскольку его владетели могли выступать против таких областей, как Самарканд на западе и Кашгар на востоке. Естественно, что эта политическая сила была следствием экономической мощи Тараза и последнее находит себе подтверждение в памятниках материальной культуры Таласской долины и Тараза.

Каковы общие изменения в структуре мест поселений Таласской долины? Как мы выше указали, произошло сокращение мелких го-

---

сколько слов об арийской культуре в Средней Азии (отт. из Среднеазиатского вестника, июнь 1896) стр. 5. Об исчезновении термина дихкан ср. там же, стр. 16. Попытка объяснения этого процесса у А. Якубовского, Феодальное общество Средней Азии, стр. 24 — 25.

121 В. Бартольд. Туркестан, стр. 311 — 312.

122 Ук. соч., стр. 296.

123 Ук. соч., стр. 345.

родов — «полисов», за счет увеличения сельского типа поселений. Приобретает особое значение замок феодала. Город Тараз сохраняет свои основные конструктивные части, но сам город переживает пору максимального расцвета. Последнее было выявлено раскопками городища.

Третий культурный слой Тараза отвечает караханидской эпохе XI—XII вв. В нем была обнаружена, аналогично предшествующему слою, коллекция находок, состоящая главным образом из керамики. Собственно типологически керамика повторяет формы четвертого слоя. В отдельности трудно сначала различить саманидскую керамику от караханидской, но в массе наблюдаются весьма значительные отличия, из которых мы отметим главные. Среди поливной посуды имеет место большое разнообразие красок поливы, говорящих о ее дальнейшем совершенствовании. Характерны некоторые орнаменты в поливной керамике, так например, появляется в блюдах розетка в виде двух или четырех лопастей, содержащая темнокрасную почти бордового цвета раскраску. Вообще темнокрасный цвет играет в сочетании с другими темными тонами, черным и коричневым, весьма значительную роль. Характерна виньетка на дне блюд по внутренней поверхности, в виде вихревой розетки, исполненная часто черной подглазурной росписью. Керамика, украшаемая рисунком, покрыта им вся. Использование всей плоскости под сложный и замысловатый рисунок орнамента, заполняющий всю поверхность сосуда, особенно характерно для кес, отчасти и блюд.

Весьма характерны чираги (лампы). Тулово чирага в виде срезанного конуса, бока которого украшены вертикальными желобками, создающими впечатление, что мастер пытался в глине подражать изделию из металла. Ручка всегда с пятой в виде трефообразного листа, покрытого рельефным орнаментом. Часта в чирагах темнокоричневая полива. Рельеф под глазурью составляет характерную, хотя и не массовую, черту украшения керамических изделий. В слое попадаются, естественно, и караханидские монеты. Указанное выше стремление передать технику работы по металлу особенно широко распространено в керамике, покрытой желтой поливой с серой подглазурной росписью. Здесь, между сложным плетением и растительными сюжетами весьма крупно-масштабными, оставшееся поле заполняется точками, создающими впечатление ячеистой структуры поверхности. Такая поверхность бывает на металле, обработанном чеканной техникой при помощи пунсона. Такая разделка типична для желтой поливы сосудов, по цвету больше всего подходящей к меди, из которой также изготовлялись сосуды. Толстая обрисовка плетения и росписи цветов создает впечатление их выпуклости, а заполненная точками и ограниченная штрихом плоскость медальона, наоборот, вдавленности, как это получается при чеканке по металлу. Характерно также, что полива начинает постепенно переходить, правда, еще в небольших размерах, с посуды парадной и изящной на грубую кухонную, оставаясь на ней поверхно-

а — Блюдо светлозеленой поливы XI — XII вв.
б — Сосуд зеленой, красной и белой поливы IX — X вв.

стным украшением. Бытовая неполивная посуда имеет лощеную, ангобированную поверхность, хорошей выделки и обжига, сравнительно тонка, сделана на гончарном кругу, но совершенно иной орнаментации, по сравнению с керамикой четвертого слоя. Так например, основным мотивом является одна или несколько волнистых линий, заключенных между параллельными. Техника нанесения орнамента здесь разная, — тонкое лекало, гребенка, вдавленные линии. Накладной и грубо (глубоко) врезанный орнамент встречается редко. Изделия из металла (железо), находимые в раскопках, в частности в сравнительно большом количестве в третьем слое, весьма плохой сохранности и суждения по этим весьма деформированным предметам вынести весьма трудно.

Третий слой, караханидский, весьма богат находками, насыщен материалом, керамикой, причем последняя по технике выделки и орнаментации представляет собой наивысший этап, мы бы сказали расцвет керамического производства средневековья. Караханидская керамика Тараза получает весьма широкое распространение в округе, в которой при раскопках соответствующих слоев в местах поселения неоднократно встречаются почти идентичные образцы, иногда буквально копии. Таковы, например, находки блюд в Таразе и Чуль Тепе. Несомненно, что здесь исследователь наблюдает наибольший расцвет керамического производства, причем совершенство достигается не в отдельных образцах, а во всей керамике по совокупности. Культурные слои городища эпохи Караханидов прослеживаются в значительной толще по всей площади городища, далеко за пределами шахристана, в рабаде и сельской округе. Уже один общий вид культурных слоев XI — XII вв. производит впечатление расцвета города в эту эпоху.

Помимо данных культурного слоя, при раскопках был вскрыт еще ряд объектов, относящихся к XI — XII вв. и говорящих о том, что Тараз значительно вырос и развился при Караханидах.

На восточном срезе городища, несколько северней ворот были обнаружены выходы водопроводной гончарной трубы. Расчистка в этом месте показала, что труба, хотя и раздавлена вышележащими слоями, лежит спокойно. Раскопкой удалось обнаружить непрерывную линию водопровода, уходящего в глубь городища по направлению с востока на запад. Всего было вскрыто 12 м 80 см водопроводной магистрали. Трубы были размером до 0,70 м, при диаметре 0,21 — 0,23 см, с входящим концом с одной стороны и муфтой с другой. Водопровод лежал на глиняной «подушке» с песком, иногда крепленной перехватами из каменных плит. «Подушка» лежала почти непосредственно на материковом грунте, отделенная небольшой прослойкой остатков культурного слоя. Водопровод перекрывали культурные остатки XI—XII вв. и позднее до XIX в., датирующие вместе с тем и закладку водопровода в эту эпоху, естественно наиболее раннюю, т. е. примерно XII в. н. э. При нивеллировке оказалось, что водопровод лежал почти горизонтально с небольшой тенденцией уклона внутрь городища. Бы-

ло совершенно ясно, что он служил для ввода воды в город. В связи с этим становится ясной и система водопровода. У восточной стены города проходила и древности р. Талас. Уровень воды в ней был немного ниже уровня труб водопровода. Водоносных слоев в этом горизонте нет на городище и не могло быть и в ту пору, т. к. под трубами, т. е. еще ниже, имеются залегания культурных остатков. Если вода подавалась из реки, то единственным способом для этого могла быть использована чигирная система. Посредством чигиря вода из р. Талас подавалась в водонапорный бассейн, который был несколько выше уровня труб. С помощью водонапорного бассейна вода шла по трубам в город и там по закону сообщающихся сосудов, возможно через тройники, выходила в водонаборные колодцы, наполняя их до того уровня, на котором находилась вода в бассейне.

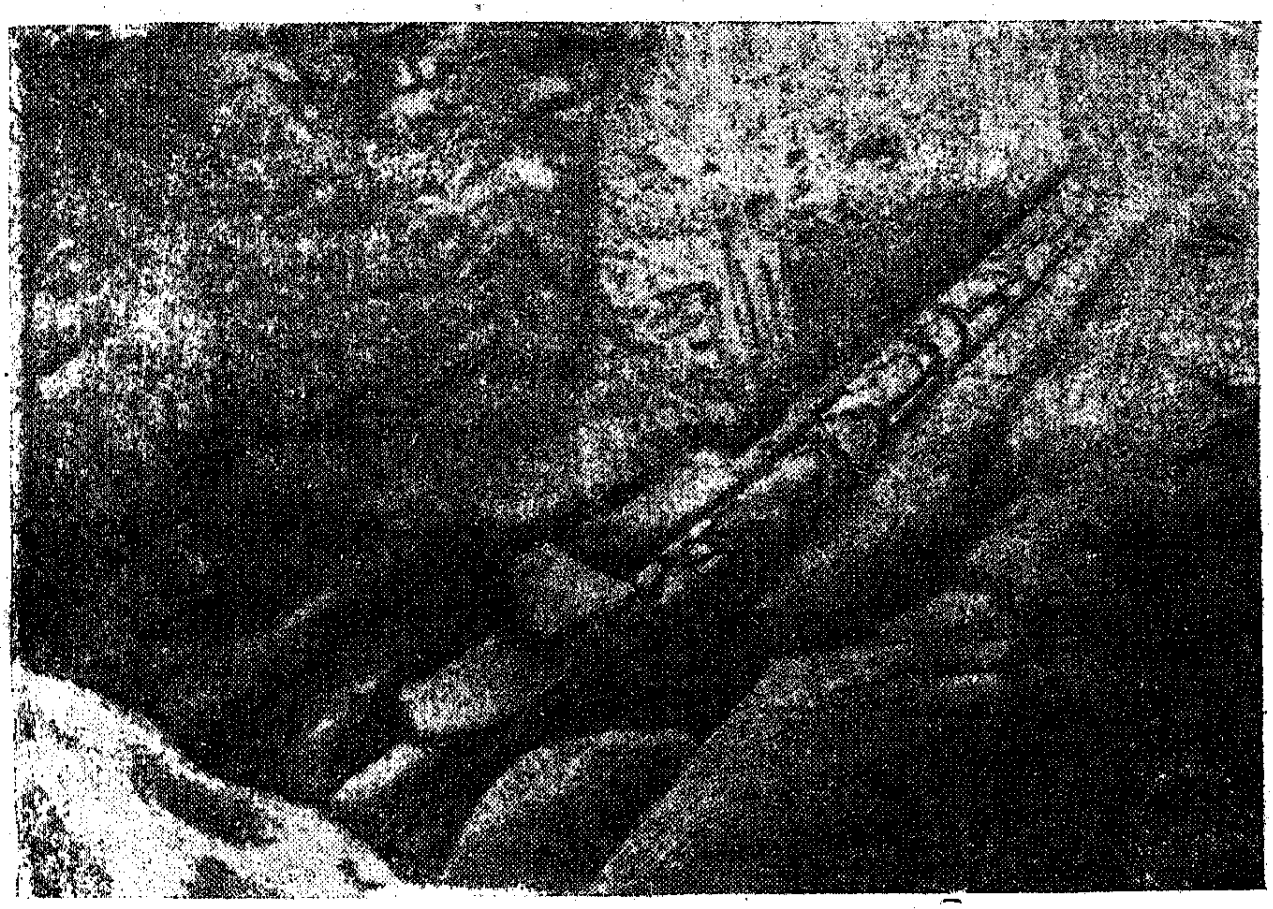
Несомненно, что организация водопровода дело весьма трудоемкое, требует определенных технических знаний и характеризует сравнительно высокую ступень культуры и техники. Такое предприятие несомненно могло быть совершено тогда, когда город находился на своем историческом подъеме, а не упадке. К такому же показателю мы относим и другое, целиком раскопанное экспедицией, гражданское сооружение — бани XI — XII вв. н. э.

Раскопанные экспедицией бани расположены у северо-восточной башни цитадели и были скрыты от поверхности буграми насыпной и навозной земли, а также разрушенными строительными остатками. В котловане для добычи глины был обнаружен бой кирпича и зачищен ряд спокойно лежащей кирпичной кладки. Расширение зачистки дало контуры строения, которое затем и было целиком вскрыто. По окончании раскопок оказалась открытой вся постройка, план и структура которой несомненно говорили о том, что это «хамам» — бани, а детали в строении и находки в ней обнаруженные бесспорно свидетельствовали о том, что постройка XI—XII века[124].

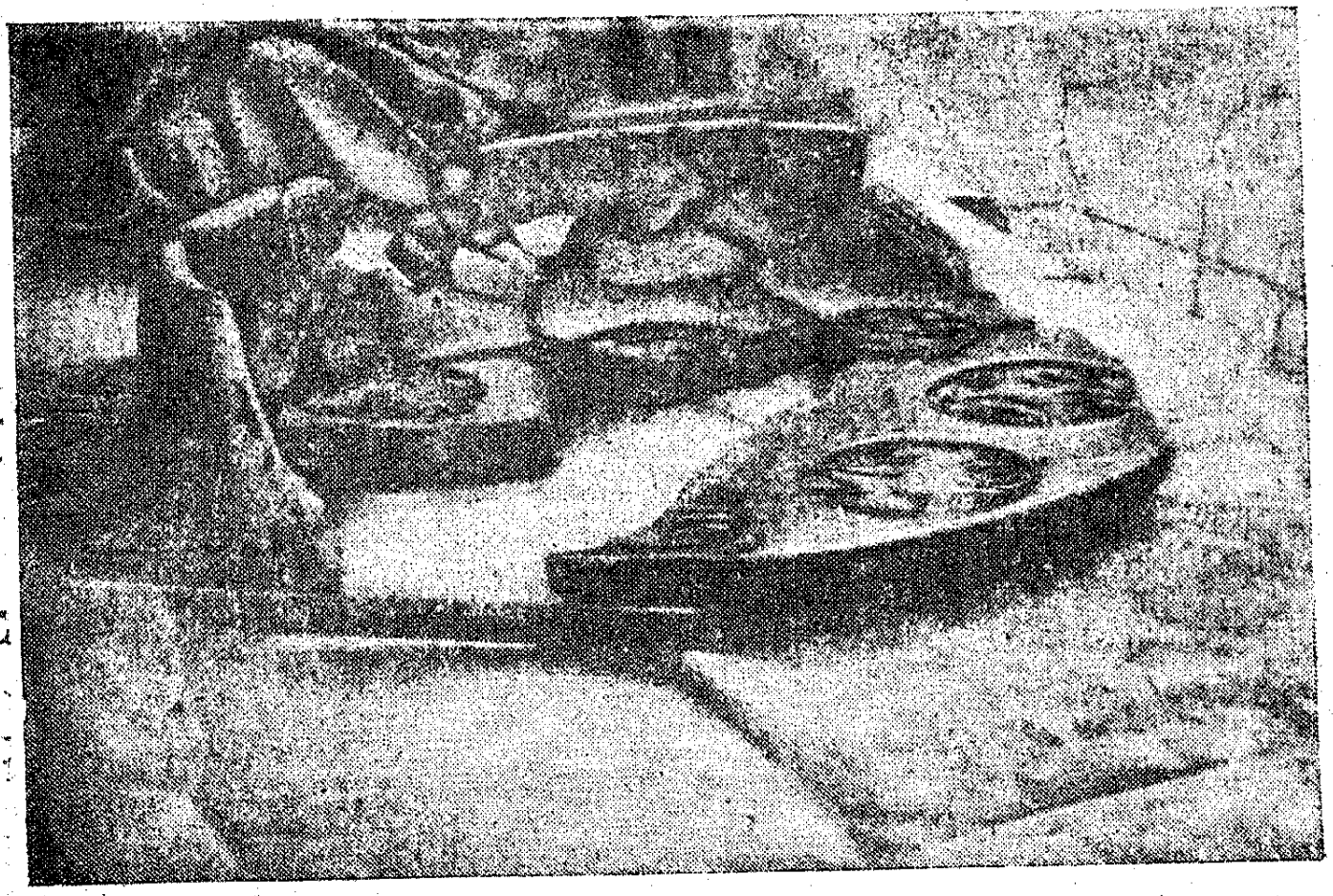
Бани представляют собой четырехугольное в плане здание 13,60×12,40 м, сложенное из хорошо обожженного кирпича, размером 0,25×0,25×0,045 м на глиняном растворе, ориентированное по странам света. Оно состоит из пяти комнат и двух площадок, не имеющих наружных стен. Три комнаты на остатках стен сохранили фресковую роспись по штукатурке, исполненную основными цветами — красным, желтым, синим, черным, коричневым. В одной комнате ванна из кирпича, оштукатуренная, в двух комнатах корытца для воды и украшения в виде нишек. В одной комнате теплые скамейки — полки в виде «канов». Фундамент бани лежит непосредственно на водоносном гравийном слое, под ним естественно никаких культурных остатков не имеется. В северной части бани площадка открыта с трех сторон и выложена из больших

---

[124] А. Бернштам, Баня древнего Тараза, Труды Отдела Востока. Гос. Эрмитаж, т. II, 1940 г.

Водопровод XI — XII вв.

Терракота и штампы. Бытовые и культовые предметы из V слоя Тараза, относящиеся к V — VII вв. н. э. Столик для угощения — достархан

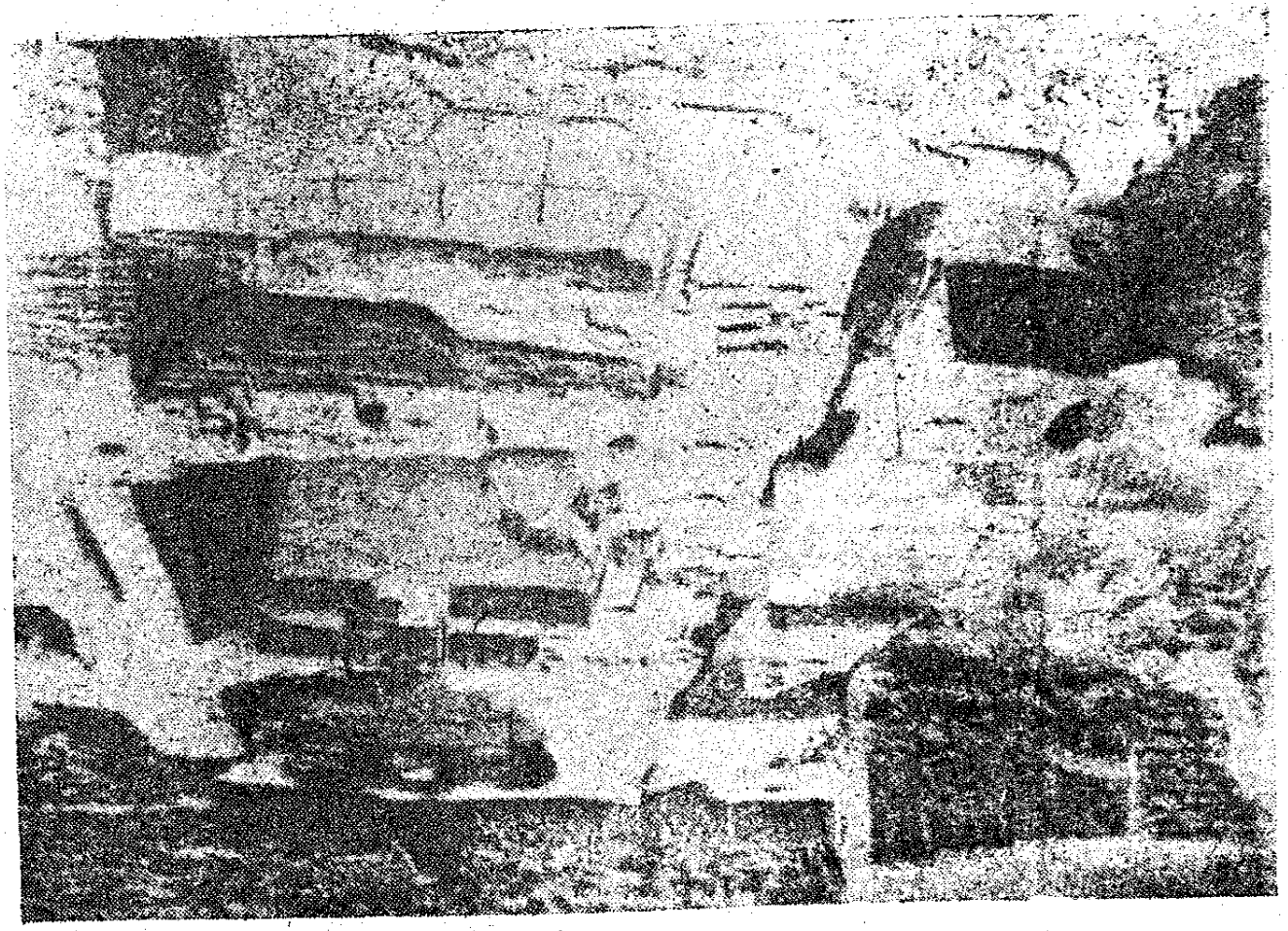
кирпичных плит размером 0,50×0,50×0,65 м. Эта площадка была перед входом в баню, в комнату, с полками для сидения. В юго-восточном углу помещалась топка, откуда нагретый воздух по подпольным галлереям растекался по комнатам, а по трубам в стенах выходил наверх, отепляя со всех сторон помещения бани. Около северо-восточного угла бани был расчищен небольшой колодец. На западной стене — вторая площадка, результат, повидимому, упавшей (или разобранной) стены, т. к. в противном случае функция площадки, окруженной с трех сторон стенами, непонятна. Ванна, находящаяся в западной комнате, овальная, рассчитанная на то, что человек в ней будет сидеть, а не лежать. Около нее имеется хорошо сохранившийся водослив. Корытца, в этой же и смежной комнате, имеют в центре, внизу, в обращенной к комнате стенке, отверстие для выпуска воды. Под ними фигурные ниши, куда можно было класть мелкие вещи. Непосредственно всю баню (после снятия верхних слоев, к ней не относящихся) перекрывал толстый слой битого кирпича, частью стоявшего на «ребре», под низом которого было найдено большое количество штукатурки. Как показал просмотр всех решительно кусков, они, за исключением яркопрофилированных, типа фризов, пилястров и т. д., представляют осколки штукатурки, бывшей на вогнутых плоскостях строения. С помощью эмпирического вычисления средних цифр хорд и высот сегментов, характеризующих выгнутость штукатурки, удалось восстановить, во-первых, что штукатурка облицовывала купол и, во-вторых, что средний радиус этого купола был около 1 метра, т. е. величина всего купола (диаметр основания и средняя высота) около 2 метров. Такие купола соответствуют только каждой отдельной комнате, т. е. каждая комната имела отдельный купол. Здание было многокупольным[125].

В трех комнатах сохранилась на стенах штукатурка с фресковой росписью. Роспись представляет собой геометрический орнамент, слагающийся из трех типов: 1) в двух случаях восьмиугольные звезды, связанные между собой крестами, (разной раскраски); 2) большие мозаичные восьмиугольники, составленные из разных цветов многогранников; 3) трилистники в виде пальметок. Характер орнамента целиком согласуется с очертаниями изразцов на караханидских постройках XI—XII вв. Следует указать, что фресковая роспись этой эпохи является первым известным нам фактом и с этой точки зрения представляет несомненный интерес. Употреблявшиеся для росписи краски —темные тона и желтые весьма характерны для цветов глазурей караханидской керамики. Идентичность подбора красок для фрески и керамики абсолютная. Таким образом сходство рисунка орнамента с очертаниями караханидских изразцов, а палитры красок фресок с красками глазурей на

---

125 Аналогичные по конструкции постройки более позднего времени были открыты в Золотоордынских городах, см. Баллод, Приволжские Помпеи, М., 1926 г.

посуде также связывают фреску бани с комплексом памятников караханидской эпохи. Весьма интересны слои, перекрывающие и окружающие баню. В связи с тем, что ее фундаменты ставили на материковую почву, пришлось вынуть значительный слой культурных отложений докараханидской эпохи. Эти слои оказались выброшенными наверх по краям котлована, в который впускали фундамент бани. Они перекрыты сравнительно тонким слоем керамики караханидской эпохи и непосредственно связаны с предметами монгольской эпохи. Последнее говорит за то, что после строительства бани вокруг нее не успел образоваться еще мощный культурный слой и уже настала иная эпоха. Правда, возле такого сооружения, как баня, мощного слоя вообще и не могло образоваться. Вместе с тем наблюдалось и другое весьма интересное явление. Сверх кирпичного завала бани были обнаружены значительных размеров фундаменты зданий, сложенных из грубо отесанных под куб камней, выложенных в два параллельных ряда, промежуток между которыми достигал 1,5 м. Середина была завалена бутовым камнем на глинистом растворе. Фундаменты пересекали северную часть бани с востока на запад. К ней в восточной части примыкала с юга и севера выкладка (мостовая) из мелкого булыжника. Таким образом эта кладка была выложена уже после того, когда баня была разрушена и забыта. Среди кладки и на булыжной выкладке находилась керамика караханидская и монгольская. Датировать происхождение выкладки приходится по ранней, т. е. по караханидской керамике. Тем более к этой поре, т. е. к XII в., возможно рубежу XHI в., приходится относить эту кладку и потому, что совершенно идентичная кладка была обнаружена в третьем слое Тараза, где она была в окружении чисто караханидского материала. С другой стороны, такие кладки, часто обнаруживаемые в городище в сопутствии караханидского материала, и не могли появиться позднее. Большое строительство города и кладки, это строительство свидетельствующие, не могли появиться позднее XII в. Как это мы покажем ниже, с конца XII в. (с нашествия кара-китаев) и в XIII—XIV вв. город терпит одно за другим поражения, сходит на-нет и окончательно гибнет. Естественно, что в эпоху его разрушения и упадка невозможно предполагать какое бы то ни было строительство. Таким образом, если кладки задержали собой культурные отложения не только монгольские, но и караханидские, то для датировки их следует принять более ранний материал, т. е. караханидскую керамику. Из этого следует, что уже до конца караханидской эпохи бани погибли (т. к. каменные кладки караханидского времени ее перекрывали). На стенах бани были обнаружены несколько слоев штукатурки и самый нижний (третий) содержал фресковую роспись. Значит баня жила сравнительно продолжительный срок, во всяком случае несколько десятков лет. В самой бане на полочке, у корытца под слоем кирпичного завала была найдена стопка монет (в 17 штук) караханидского времени— XI в. Все это говорит о том, что постройка функционировала еще,

Вид северной части раскопанной бани

по всей вероятности, в конце XI и не позже середины XII вв., а ее постройка должна относиться к середине или концу первой половины XI в., хотя не исключена возможность датировать ее самым концом X в.

Мы можем резюмировать наши соображения о разбираемой постройке. Постройка является баней, зданием караханидского времени середины XI в. Такой тип постройки для караханидской эпохи единственный, среди вообще немногих построек караханидского времени. Первой для этого времени является и фресковая роспись. Поскольку она лежит на первом слое штукатурки, то она может быть связана с периодом строительства бани, т. е. также с серединой XI в. Найденные под кирпичным завалом фрагменты резных по алебастру украшений и фрагменты росписей фризов, пилястров и свода купола также датируются, в связи с вышеизложенными соображениями, серединой XI в. Таким образом Тараз дал первую караханидскую баню середины XI в. с первой в Средней Азии фресковой росписью.

Отметим еще некоторые детали для характеристики Тараза в XI — XII вв. Мы уже указывали на обнаружение фундаментальных каменных кладок больших строений XI — XII вв. Мостовые над баней в ряде случаев выложены мелким булыжником, хорошо пригнанным и лежащим на плотной глиняной подушке. Открыты тротуарные выкладки из больших каменных плит, аккуратно обставленные камнем арыки, бордюры колодцев и т. д. Кстати, поражает густота колодезной сети, выходящей своими устьями в третий караханидский слой. Последнее свидетельствует о крайней плотности населения города, потребовавшего большого количества точек для получения питьевой воды, особенно на время осады города. Это свидетельствует в пользу нашего ранее выставленного тезиса о том, что при Караханидах, за счет сокращения мелких городских центров по Таласу, — вырос город Тараз. Вся совокупность явлений этого времени на Таразском городище: культурный слой, водопровод, бани, каменные выкладки — городское строительство в целом, — свидетельствует, что для Тараза XI — XII века были временем наибольшего его расцвета и могущества, превращения Тараза в чисто столичный город феодального средневековья. Археологический материал, в сравнении с предшествующими находками и анализом последующих слоев, не оставляет в этом никаких сомнений. Для XI — XII вв. мы имеем данные о местоположении мусульманского кладбища, несомненно возникшего еще в предшествующую эпоху, при Саманидах. Это кладбище находилось на месте современного староузбекского. На нем часто находится в выбросах могильных ям и в насыпях современных могил древняя керамика. В 1936 г. здесь был найден древний кайрак (надгробный камень) XIII — XIV вв. В 1938 г. участником экспедиции А. М. Беленицким была прочитана надпись на надгробии в мазаре, известном здесь под именем Шамансур. Мазар видимо сравнительно недавно был перестроен. Эту надпись в свое время

читал В. Бартольд по списку, присланному ему В. Каллауром[126], А. М. Беленицкому удалось в имени погребенного прочесть также «ат-Тарази». Попутно отметим, что по рассказам местных жителей, еще и теперь, правда редко, некоторые старики получают письма с почтенным обращением «ат-Тарази». На староузбекском кладбище находится и т. н. мазар Карахана. Постройка эта новая, но она была выстроена на месте древнего сооружения, по всей вероятности незаурядного памятника караханидской эпохи[127]. Наконец, быть может самым важным фактом, указывающим на расцвет Тараза при Караханидах и увеличение его политической значимости, является то обстоятельство, что в Таразе начали караханидские правители чеканить свою монету. Здесь чеканили свою монету Караханиды, начиная с 395—396 гг. (хиджры) т. е. с 1004—1005 гг. н. э.[128].

В дополнение к характеристике памятников караханидской эпохи Таласской долины, укажем еще на некоторые объекты. В 18 клм к юго-западу от Джамбула в с. Головачевка стоят сравнительно хорошо сохранившиеся два мазара. Один из них Айша Биби, другой назван экспедицией Бабаджи Хатун, судя по надписи на фронтоне мазара. Большей известностью пользуется мазар Айша Биби[129]. Это однокупольный мазар на кубическом основании (сейчас купол, восточная стена разрушены, от северной и южной сохранились также небольшие части), с порталом, обращенным к западу. Портал покрыт неполивной изразцовой одеждой, по углам у портала стоят трехчетвертные колонны. Орнамент изразца растительный, слегка геометризированный, представляющий собой сочетание восьмиугольных звезд с растительными розетками посередине. Изразцы имеют форму крестообразную, квадратную и ромбическую. Квадратными изразцами, создавая весьма яркую коврового типа одежду стен, были выложены и стены мазара. Интерес представляют и колонны, слегка сужающиеся кверху, в узком месте украшенные рельефным поясом с нечитаемой арабской надписью вязью и заканчивающиеся небольшим раструбом. Такого типа колонны представляют собой переживания весьма старых образцов, что уже отмечалось в литературе[130]. Портальная конструкция мазара, неполивной изразец и тематика орнамента, общий ансамбль

---

126 ЗВО, т. XII, Протоколы.

127 М. Массон, Проблема изучения цистерн Сардоба. Материалы Узкомстариса, вып. 8, Ташкент, 1935 г., стр. 7. М. Массон датирует старую постройку XI в. См. Б. Денике, Архитектурный орнамент Средней Азии, Москва, 1939 г., стр. 14.

128 А. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа (литографированное издание), стр. 208 — 209, 216, 226, 233 — 234, 242, 272. Ср. R. Vasmer, Zur Münzenkunden der Qarachaniden, MSOS, XXXIII, Berlin, 1930, Abt. II, стр. 83 и сл.

129 Б. Денике, Архитектурный орнамент Средней Азии, М. 1939 г. стр. 100 — 102.

130 Вообще об этих мазарах литературы почти нет. Небольшие упоминания см. В. Бартольд. Отчет, стр. 8 и два фото на табл. 1-ой С Дудин. Орнаментика и современное состояние старинных самаркандских мечетей,

Сосуды зеленой, красной и белой поливы IX — X вв.

памятника и его пропорции говорят о том, что мазар принадлежит к серии памятников архитектуры караханидской эпохи.

Второй мазар—Бабаджи Хатун—иного типа. Во-первых, он беспортальный, во-вторых, не имеет изразцовой одежды. Почти квадратный в основании, он напоминает куб, на который поставлен конической формы остроребристый купол, барабан которого состоит из 8 углов, уменьшающих проем здания для постановки купола. Вход в мазар с востока, здесь стена, будучи выше трех остальных, закрывает часть купола. Непосредственно под выступающей частью стены тянется полоса с изразцовой надписью, частью разбитой. В ней указывается, что это «святая могила» некоей Бабаджи Хатун. Стены не имеют украшений, если не считать ложную выкладку окон и дверей в виде неглубоких ниш. Внутренность также без украшений. По углам трompы, маскирующие переход стен к барабану и куполу. Свод купола имеет остро выдающиеся ребра, соответствующие наружным ребрам купола. В стенах ниши — ложные двери, поставленные симметрично таковым же наружным.

Характер архитектуры памятника Бабаджи Хатун резко отличается от мазара Айша Биби. Отсутствие портала, изразцов, остроребериый купол, в свою очередь отличающийся от ребристых куполов тимуридской и послетимуридской эпохи[131], заставляет видеть в мазаре Бабаджи Хатун не только более ранний памятник, но и иное вообще мастерство, традиции и приемы. Создается впечатление, что аналогии этому памятнику можно скорей всего найти среди армянской архитектуры примерно X — XII вв. По всей вероятности этот мазар и относится к этой эпохе и связан с мастерами далекого от Средней Азии происхождения. Мы склонны видеть в этом мазаре древнейший памятник караханидской архитектуры.

Любопытным памятником Караханидов является замок, исследованный раскопками в 1936 г. Замок этот под названием Чуль Тепе представляет собой холм, стоящий на площадке неправильной формы, в болотистой, заросшей камышом низине небольшой речушки Кара-Су в 1 клм к югу от с. Ново-Ивановки, в 35 клм к северу от г. Джамбула. Шурф на площадке, доведенный до водоносного слоя, показал, что внизу был слой песка, гравия и глины, в которой оказался положенный крест-на-крест камыш, образующий сплошное плетение по мощному глинистому слою. Очевидно, это есть основание своеобразной платформы, сделанной в жидкой почве болота, для возведения на ней строительных сооружений. Этот прием строительства в болотистой местности, неоднократно наблюдаемый в Семиречье (ср. напр. цитадель и шахристан города Кулана в заболоченной местности р. Карагаты), име-

---

ИАК, в. 7, стр. 69. М. Массон. К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры, открытых М. С. Андреевым в горах Самаркандской области. Сборн. «По Таджикистану», общ-во для изучен. Таджикистана и иранских народностей за его пределами, в. I, Ташкент, 1927.

131 А. Якубовский. Самарканд при Тимуре и Тимуридах, Гос. Эрмитаж, Лгр. 1933 г.

ет свое объяснение в письменных источниках. Так у Ибн-ал-Факыха имеется следующее описание такого типа крепостей в Средней Азии для IX в. [132].

«Говорит Али ибн-Зейн, секретарь Мазиара: самый укрепленный город, который построен на поверхности земли, таков: один царь из царей турок пришел в (место) солончаковое и покрытое обширной и горькой водой в одном из краев его государства. Он отвел оттуда воду, потом вырыл фундамент шириной в сорок локтей. Потом приказал и со дна ямы вывели две стены из жженого кирпича и извести, толщина каждой стены десять локтей и между ними пространство шириной двадцать локтей. Когда он довел стену до поверхности земли, то наполнил пространство, которое между ними песком в (непонятное слово) между ним. По мере того, как они поднимались, он насыпал между ними песок, пока он довел их до высоты пятидесяти локтей. Потом он построил в городе для себя и своих подданных жилище и замки и выкопал вокруг него (города) ров. Потом он пустил туда воду и через год это место не замедлило снова стоять большим болотом, одним из величайших болот. Он поместил там свою семью и ценное из своих имуществ и он (город) стал укрепленнейшим из городов, построенных на вершинах гор или на ровной земле. Один из царей турок пожелал (захватить) его, а турки самые сильные и искусные в устройстве издалека подкопов к городам и крепостям. Он отправился к нему (городу), остановился в нескольких фарсахах от него и приказал своим специалистам по подкопам, чтобы они делали подкоп, пока не дойдут до него. Когда они дошли до болота, которое вокруг него, против них выступила в подкопе вода. Они изыскивали способы (борьбы) с ней и временами она одолевала их, а временами они одолевали ее, пока им не удалось пресечь ее. Они думали, что уже овладели городом и когда подошли к стене, начали делать пролом в ней. Когда же они проломали стену, против них вышел сыпучий песок и они не (успевали) вывезти часть его, как со всех сторон его сыпалось вдвое более. Когда они увидели это, то поняли, что у них нет средства (против него) и ушли не достигнув успеха».

На указанной площадке Чуль Тепе в большом количестве находилась бытовая посуда обычная для третьего слоя Тараза. На верхней площадке холма раскопом в 60 кв. м удалось вскрыть часть жилого помещения, с примыкающими к нему пятью хозяйственными ямами. Постройка, вскрытая частично, была сложена из сырцовых кирпичей. Она состояла из узких коридорообразных комнат, вытянутых с северо-запада на юго-восток, параллельных друг другу и соединенных в северных концах дверьми. Среди находок обращает на себя внимание большое количество поливной керамики, абсолютно идентичной таразской. Осо-

---

132 Приводим описание по неопубликованной работе С. Волина, «Средняя Азия в IX веке» (перевод сочинения Ибн-ал-Факыха).

бый интерес представляет костяная поделка вытянутой формы с сужающимися концами наподобие утиных носов. В ней имеются маленькие дырочки для прикрепления и одно отверстие с сильно стертым одним краем, через которое продевался ремешок. Такие поделки хорошо известны по половецким погребениям и являются петлей для привешивания горита или колчана. Таким образом в добавление к имеющимся датирующим данным находка на Чуль Тепе типичного предмета X — XII вв. снова подтверждает датировку комплекса караханидской эпохой, а ее кочевническое происхождение быть может говорит о происхождении последнего владельца замка. План постройки, наоборот, очень архаичный и имеет аналогии в согдийском замке, зарегистрированном, например, на горе Муг в Таджикистане в верховьях Зеравшана[133]. Узкие комнаты давали возможность для строителей возводить полуциркульные своды, а тип постройки в целом явно согдийского происхождения. На согдийское происхождение замка указывают и находки в нижних слоях тепе, где была найдена статуэтка животного — барана, весьма характерные для пятого слоя Тараза.

Замок погиб в пожаре. Толстый слой угля, перегоревших балок, разрушенные стены, сваленные в кучу у дверей вещи, разбитые вероятно при попытке жильцов вынести их из горевшего здания, все это производит впечатление катастрофической гибели помещения. Аналогичное положение на многих городищах, где верхний слой представлял собой разрушенные постройки с культурными остатками караханидской эпохи. Явление такого порядка не единичное в обследованном районе. Это говорит о том, что когда-то Таласскую долину постигло бедствие, катастрофа, приведшая к тому, что все поселения Таласской долины, не исключая Тараза, превратились в груду развалин и только в Таразе в небольших размерах после происшедшего продолжалась жизнь. Археологические источники указывают, что это бедствие произошло не позже начала XIII в., письменные источники эту дату подтверждают.

---

133 Согдийский сборник, стр. 25, рис. 4.

ГЛАВА VII

ГИБЕЛЬ КУЛЬТУРЫ В ТАЛАССКОЙ ДОЛИНЕ

В XII в. на территории Семиречья, равно как и всей Средней Азии, появляется новая сила, пришедшая с востока — кара-китаи, народность тунгусско-манчжурского происхождения. Еще в 1137 г. они подчинили себе Семиречье и Восточный Туркестан. Во второй половине XII в. их активность получает особое развитие. Завоевания кара-китаев не принесли особых разрушений Средней Азии, ибо они, оставляя в неприкосновенности старый строй, который застали, довольствовались лишь регулярно поступающими к ним данями. Неподчинение их власти Хорезма вызывало неоднократные походы кара-китаев, например, 1171 — 72 гг., закончившиеся в начале XIII в. сильным ослаблением кара-китаев. Решающая битва хорезмского владетеля с кара-китаями произошла в 1210 г. Хорезмшах Мухаммед выступил против кара-китаев[134]. «Когда известие дошло до гурхана китайского, он также приказал Таянгу, чьей царской одеждой была вышитая материя (тираз) и чьим местопребыванием был Тараз, чтобы он действовал энергично». Из этого сообщения автора XIII в. Джувейни явствует, что Тараз еще в начале XIII в. был крупным городом, столицей наместника кара-китайского гурхана—Таянгу. В 1210 г. в августе-сентябре произошла по Джувейни битва при р. Иламыш (?), в результате которой кара-китаи были разбиты, а Таянгу взят в плен. Хорезмшах выступил вместе с владетелем Самарканда султаном Османом.

Отступающие к своей столице Баласагуну кара-китайские войска «во время возвращения начали громить, грабить, убивать и бесчинствовать в своих округах и подданных». По Ибн ал-Асиру, в разрушении городов принимал значительное участие и сам хорезмшах Мухаммед, который «приказал жителям Шаша, Ферганы, Исфиджаба, Хасана и городов, которые вокруг них, а в мире не было более приятных, чем они и более возделанных, — выселиться из них в страну ислама. Затем он разрушил их все из страха, что

134 В. Бартольд, Туркестан, стр. 384.

татары завладеют ими». Судя по тому, что здесь упоминается Исфиджаб, как главный город удела, аналогичному разграблению подвергся и Тараз, входящий в это время в состав городов «которые вокруг них», т. е. в частности и Исфиджаба.

Якут (начало двадцатых годов XIII в.), описывая достоинство городов, в частности и Тараза, сообщает, что с хорезмшаха Мухаммеда на эти местности посыпались «удары судьбы и превратности рока». После уничтожения хорезмшахом Мухаммедом царства Караханидов, разгрома войск кара-китаев, не осталось того, кто мог бы охранять земли, завоеванные хорезмшахом.

Посему он «разрушил своими руками пограничные крепости и отдал их на разграбление своим войскам. Жители их выселились оттуда и покинули ее (землю.—А. Б.) с сожалением. И остались эти сады опустевшими на своих опорах, заставляя плакать глаза и скорбеть сердца. (Он остался) с разрушенными замками и пустыми жилищами и дворами. Заблудился проводник этих каналов и они стали течь, блуждая во все стороны без воли». Очевидно, как следует из только-что цитированного места из сочинения Якута, не только кара-китаи, но и войска харезмшаха приложили руку к разграблению и разрушению Тараза в период с 1207 до 1210 года. В 1219—20 гг. этот разгром был завершен монголами. Сжигая и грабя все на своем пути, особенно то, что оказывало сопротивление, они приложили руку и к Таразу. В Семиречье только Баласагун не оказал сопротивления монголам, за что был ими назван «Гобалык», т. е. «хороший город». Оказывать сопротивления он собственно и не мог, так как незадолго до прихода монголов был настолько разгромлен кара-китаями и было вырезано столько в нем людей, что не оставалось просто живой силы для борьбы с монголами. Кроме того, кара-китаи разрушили стены и укрепления Баласагуна [135]. Кара-китаи создали прообраз будущей монгольской империи и в борьбе с хорезмшахами настолько изнурили страну, что этим самым облегчили быстрое продвижение монголов. Последние довершили, и весьма энергично, начатое кара-китаями разрушение. Семиречье, в том числе Таласская долина, обратилось в груду развалин. «Они погубили тех, — пишет Якут, — кто оставался там, включив их в число тех, которых они погубили помимо их. И не осталось от тех прекрасных садов и высоких замков ничего, кроме разрушенных стен и следов исчезнувших народов». Какой блестящей иллюстрацией к словам Якута является раскопанный нами замок Чуль Тепе с его разрушенными стенами, второпях брошенными вещами, следами гигантского пожара, охватившего строение! Да, вся Таласская долина, включая Тараз, там, где последним слоем был караханидский, не в лучшем положении. Груды развалин, уничтоженная вековая культура, все погибло окончательно под огнем и мечом варварского шествия монголов.

В Таласской долине только Тараз продолжает в весьма не-

---

135 В. Бартольд. Туркестан, стр. 385; Отчет, стр. 37.

больших размерах свое существование. Свидетельством этому являются весьма тонкие, по сравнению с предшествующими, культурные слои городища, содержащие характерную для монгольского времени голубой поливы керамику. Разрушенность этих слоев, скорей всего не столько от позднейших строительств, а от того, что Тараз еще раз подвергся весьма основательному разрушению. О том, что до следующего разграбления Тараз существовал, свидетельствуют не только археологические находки, но и сообщения письменных источников, например, того же Джувейни о том, что монгольский эмир Аргун, правитель Хорасана в 1242 году едет в Монголию и в Таразе получает известие о смерти Гуюка (1246 — 1248 гг.), он же в 1251—52 гг. в Таразе получает известие о восшествии на престол Менгу Каана (1251 — 1259 гг.). К 1252 году относится одно надгробие на староузбекском кладбище какого-то именитого лица, тюрка по происхождению, с тюркскими и монгольскими титулами. Влияет на продолжение существования города и то обстоятельство, что равнина Таласа становится территорией летних кочевий монгольских ханов и, как отмечает В. Бартольд, в 1269 году в ней произошел очередной курултай Чингиз-хана[136]. По этим данным следует, что, несмотря на все разрушения, сам Тараз продолжал свое существование, правда уже под другими названиями — Талас, Яны, Яны-Талас. Свидетельством этому является и тот факт, что в Таразе чеканятся монеты и при монголах и при Джагатаидах, например, Буга Тимуре (1272 — 1291 гг.), Дува хане (1291 — 1306 гг.), анонимные 671 — 706 г. х. (1272-73 — 1306-07 гг. н. э.), Тармаширине (1325 — 1334 гг.)[137]. В 1307 году Талас снова подвергается весьма солидному разрушению со стороны чагатаидских царевичей, которые разрушили весь «эль» (государство) Кайду, владевшего еще со времени Алсу (1261 — 1266 гг.) землями Таласа, Кенджека, Отрара, Кашгара и Мавераннахра. «Они сожгли Золотую орду, говорит Васаф (автор XIV в.), которую называли Сыр Орда, развеяли по ветру землю Тараза, Янги, Кенджека и Чигиля, а жителей подвергли пыткам и то, что смогли, забрали, остальное предали огню». И этот последний разгром не ликвидировал окончательно Тараза, иначе не мог бы автор ал-Омари, умерший в 1348 году, описывая маршрут из Мавераннахра в Алмалык, снова указывать на Талас, как один из четырех городов округа Янги, в котором города отстоят друг от друга на один фарсах[138]. Ничего общего с эпохой до начала XIII в. этот Талас

---

136 В. Бартольд, Отчет, стр. 17.

137 М. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии с 1930-31 г., Материалы Узкомстариса, вып. 5, Ташкент, 1933 г., стр. 15 — Теньга Тармаширина, чекан Тараза 729 г. х. См. его же, Монетные находки в Средней Азии 1917 — 27 гг., Известия Средазкомстариса, в. IV, Ташкент, 1928 г., стр. 289, где он упоминает пять штук серебряных монет Буга Тимура (1272 — 1291 гг.) и т. д. Тоже см. у А. Маркова, ук. соч., стр. 549 — 550, 553 и 558.

138 M. Quatrémère, ук соч, стр. 224, стр. I.

не имеет и это прежде всего видно на памятниках материальной культуры. Редкие находки иранской керамики XIV — XV вв. и больше ничего. Да и письменные источники XVI в. сообщают, что в половине XVI в. вся Таласская долина представляла уже собой груду развалин. Так Мухаммед Хайдер пишет: «Монголы называют Тараз Яны... в степи, которую они называют этим именем, видны следы нескольких городов, там есть следы и признаки купола, минарета, ханакхов, медресе; но неизвестно, который из этих древних городов был Яны и как назывались остальные города»[139]. Только в верховьях р. Таласа, как показали раскопки и разведки 1938 г., продолжала отчасти существовать жизнь в XVI в. и позднее. Тонкий слой поздне-монгольской эпохи в Таразе непосредственно перекрывается уже слоем недавней современности XIX — XX вв. В XIX в. на развалинах Тараза возникает город Аулие-Ата[140], созданный узбеками, выходцами из Намангана, и возводится на разрушенных старых постройках мазар Карахана[141]. В долине строятся казахскими баями мазары местной знати (Байтымбет, Джантай, Ак Тепе и др.), подражающие иногда в архитектуре старым образцам. Стены мазаров расписываются неизвестными мастерами фреской, иногда исключительной художественной ценности (мазар Ак Тепе)[142]. В верхних слоях развалин попадается ферганская и ходжентская керамика, на цитадели древнего Тараза возникает в XIX в., кокандская крепость, небольшие следы которой в виде пахсовой кладки крепостных стен сохранились и поныне. В начале второй половины XIX века г. Аулие-Ата завоеван русским царизмом и монеты этого периода 1863 и 1866 гг. рядом с керамикой эпохи кокандского владычества неизбежные спутники находок археологов, когда они начинают вскрывать прошлую историю некогда могучего, с мировой известностью города — древнего Тараза, на развалинах которого ныне растет и развивается центр цветущей области Казахской Советской Социалистической Республики г. Джамбул.

---

139 Вельяминов, Зернов, Известия о Касимовских царях и царевичах, т. II, стр. 156. В. Бартольд, Отчет, стр. 17.

140 В. Каллаур, К истории города Аулие-Ата, Протоколы ТКЛА, 1903. Крепость Кокандская была построена в 1826—27 гг., с 1837 года стал расти город, заселяемый вначале наманганцами и потому имевший название Наманган Коче. В 1856 году возник город Аулие-Ата, соврем. город Джамбул. См. ук. соч., стр. 15 — 16.

141 Мазар постройки начала XX в. Использован при его строительстве старый строительный материал (напр. большие кирпичи караханидского типа на площадке перед порталом, восьмиугольная звезда над стрелкой портала). Фантастическая родословная Карахана на узбекском языке помещена в Протоколах ТКЛА за 1899 г.

142 А. Тереножкин. Участник экспедиции в 1936 г. об этих фресках поместил заметку в журн. «Искусство», № 2, 1938 г. О значении этих росписей см. в статье В. Чепелева «Об искусстве казахского народа» к зарисовкам Е. Клодта, Казахский народный орнамент, Москва, 1939 г., стр. 4 и 8.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Введение 4

Глава I. Общие данные 6

Глава II. Древнейшие следы человека в Таласской долине 10
Кочевники. Племена усунь и кангюй. Первобытно-общинный строй. III в. до н. э. —IV н. э.

Глава III. Первая согдийская колонизация Семиречья и возникновение Тараза—V в. 18
Рабовладельческий строй и его памятники на Таласе.

Глава IV. Город Талас - Тараз VI—VIII вв. 25
Византийские посольства.—Тюрки-кочевники. –Гибель западно-тюркского каганата и возвышение тюргешей.—II согдийская колонизация, ее причины и значение для Тараза.—Формирование округи.—Город, деревня, замок, военные поселения.—Караван-сараи.—Генезис феодальных отношений.—Карлуки.

Глава V. Культура Тараза в IX—X вв. 43
Проникновение ислама.—Торговля и воздействие на кочевников.—Расширение города и округи и предпосылки образования Караханидской династии.

Глава VI. Расцвет города Тараза в XI—XII вв. 50
Градостроительство.—Первые караханидские бани и их фреска, открытые экспедицией.—Архитектура караханидов Таласской долины.—Мазары Айша Биби и Бабаджи Хатун.—Феодальный замок Чуль Тепе.

Глава VII. Гибель культуры в Таласской долине 62
Кара-китаи.—Поход хорезмшаха Мухаммеда.—Монгольское нашествие и гибель Тараза.—Город Аулие-Ата и следы прошлого.

А. Н. БЕРНШТАМ

ПАМЯТНИКИ СТАРИНЫ ТАЛАССКОЙ ДОЛИНЫ

Издание Казахского Объединенного
Государственного Издательства
1941 год. Издание 10-е

Ответственный редактор А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

Подписано к печати 19/II 1941. г. УГ 1173. Объем 5,25 п. л. Уч.-авт. л. 5,75. Знаков в 1 п. л. 60 тыс. Тираж 1000. Цена 3 руб.

г. Алма-Ата, ул. Узбекская, № 11, Гостипография № 1. Заказ № 935

ПЛАН ГОРОДИЩА ТАРАЗА

